

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХІІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая д. № 49—2).

1872.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія.

Объ арабскомъ путешествіи въ Х вѣка,
Абу-Долейфа, и странствованіи его по
Средней Азіи В. В. Григорьева.

О предполагаемомъ сродствѣ грузинскаго
языка съ индо-европейскими и туран-
скими языками Ал. А. Цагарели.

Удѣльный князь Федоръ Юрьевичъ Оошин-
скій Н. А. Астрова.

Просьба жителей западной Малороссіи о при-
нятіи въ русское подданство 1773 года . М. О. Кояловича.

Объ отношеніяхъ китайскаго языка къ сред-
не-азиатскимъ В. П. Васильева.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Новыя изданія по вопросу о началѣ Семилѣтней войны. А. Г. Бриенера.

Очеркъ устройства австрійскихъ гимназій . Л. П. Малиновскаго.

Современная лѣтопись.

(См. на 3-й стр. обѣртки).

ОБЪ ОТНОШЕНИЯХЪ КИТАЙСКАГО ЯЗЫКА КЪ СРЕДНЕАЗІАТСКИМЪ.

(Посвящается моему молодому другу И. П. Минаеву).

Насчитываютъ огромное семейство языковъ приставочныхъ; но трудно говорить по однимъ грамматикамъ и лексиконамъ о тѣхъ, которые не изучены основательно. Настоящая статья, надѣюсь, покажетъ какого глубокаго вдумыванія, не только изученія, требуетъ выводъ о о сродствѣ одного языка съ другимъ. Вотъ почему я и отказываюсь судить опрометчиво о финскихъ или какихъ-нибудь дравидскихъ нарѣчіяхъ. Довольно, если я буду говорить о языкѣ маньчжурскомъ, въ связи отчасти съ монгольскимъ и татарскимъ... И то представится населеніе, раскинутое сплошною массою отъ Восточнаго океана до Средиземнаго моря, заходящее въ Сибирь и въ Европу съ одной стороны, и проникшее въ Китай съ другой. Собственно говоря, я не усомнюсь назвать приставочными и китайскій съ тибетскимъ, который, какъ видно, сроденъ съ бирманскимъ; въ обоихъ языкахъ есть также приставки, съ тою разницею, что въ тибетскомъ ихъ немного, какъ и во взятыхъ мною языкахъ, а въ китайскомъ едва-ли можно перечесть всѣ варианты. Но тибетскій и китайскій, какъ языки односложные, отличаются внутреннею жизнью, а монголо-татарскіе отличаются минералогическою мертвенностью.

Подъ именемъ внутренней жизни я разумѣю, помимо разнообразія корня въ нарѣчіяхъ, еще разнообразіе его въ составѣ при отгѣнкахъ значенія; такъ напримѣръ, *чи*—ѣсть, *ши* (шань, цань)—пища, *сы*—кормить, или: *сы*—умереть, *ша*—умертвить, *ши*—трупъ, *сань*—погубить, также *лэ*—радоваться, *ё*—музыка; или *цзянь*—видѣть, *сянь*—являться—принадлежать одному корню; въ китайскомъ языкѣ достаточно одного измѣненія ударенія (шань—верхъ, шань—всходить; сань—похороны, сань—погубить; чу—мѣсто, чжу—жить, чу—помѣщать), чтобы сообщить отгѣнокъ значенію. Тибетскій языкъ также, при односложности,

подходить, въ этомъ случаѣ, къ китайскому: *тоаъ* — находи, *тааъ* — вышель, *пааъ* — прибылъ, *пааъ* — опустился, *чуаъ*, *чажуаъ*, *вишуаъ*, и т. д. вотъ что я называю внутреннею жизнью.

Если на моносиллабическіе языки смотрѣть, хоть не какъ на остатки древнѣйшаго человѣческаго слова, а какъ на памятники, по которымъ можно возвыситься до сужденія объ этомъ словѣ, слѣдовательно, какъ на краеугольный камень филологіи, то мы находимъ, что осмысленнаго изученія моносиллабическихъ языковъ никто еще и не начиналъ. Никто не станетъ отрицать, что китайскій языкъ, въ средѣ этихъ моносиллабическихъ языковъ, представляетъ матеріалы самыя древнія; между тѣмъ филологія его обходитъ и исключаетъ изъ своей среды; а что сдѣлали до сихъ поръ спеціалисты синологи? Догадались ли они разобрать древнія книги и указать въ нихъ варианты различныхъ нарѣчій, давшихъ различныя отбѣнки древней письменности? Разработали ли они существующія по нынѣ китайскія нарѣчія? Обратили ли вниманіе на скрывающіеся въ одномъ и томъ же словѣ различныя корни? Подмѣтили ли даже, какъ мы сейчасъ указали, на скрывающійся въ двухъ словахъ одинъ и тотъ же корень (*юу* и *кюанъ* — собака, *цзянь* и *лянъ* — видѣть)! Кто подумалъ о сравненіи корней китайскаго языка съ санскритскимъ? А между тѣмъ, можетъ-быть, какъ и предполагаю (на сколько мнѣ извѣстенъ санскритскій), эти корни общіе; по той же методѣ, по которой я въ этой статьѣ разбираю отношеніе китайскаго языка къ среднеазіатскимъ, можно отыскать объясненіе флексій, суффиксовъ, префиксовъ и даже синтаксическихъ уклоненій, по крайней мѣрѣ, въ арійскихъ языкахъ.

Слѣдовательно, для филологіи, чтобы представить языки въ ихъ общей связи, сказать рѣшительно послѣднее слово, былъ ли языкъ одинъ или нѣтъ, хоть въ той части свѣта, въ которой мы живемъ, еще много предстоить работы. Чтобы возбудить эту работу, указать на ея важность и выискать возможность сличенія тамъ, гдѣ мы и не ожидали, мы и приобретаемъ въ настоящей статьѣ къ этому опыту.

Я понимаю, что не удовлетворить вполне мой трудъ филологовъ; имъ покажутся, можетъ быть, странными мои филологическіе взгляды: потому я и спѣшу оговориться, что выражаю здѣсь не какіе-нибудь общіе выводы для языка, или что то же самое, для всѣхъ языковъ. Нѣтъ, я выражаю здѣсь только тѣ понятія, которыя составились сами собою, своеобразно, при большемъ или меньшемъ знакомствѣ съ двумя моносиллабическими, тремя приставочными и нѣсколькими флексив-

ными языками въ общей связи этихъ трехъ группъ. Жалѣю, что время не позволило мнѣ ознакомиться съ трудами другихъ ученыхъ, но еще болѣе сожалѣю о томъ, что за вдумываніе, которое внесъ и въ двѣ первыя группы языковъ—моносиллабическую и приставочную, принялся очень поздно и не могъ посвятить себя всецѣло его разработкѣ. Да, я напередъ долженъ оговориться, что въ настоящихъ замѣчаніяхъ не должно видѣть всесторонне прослѣженнаго труда, на который употреблено было много времени на изысканія; для этого въ настоящее время нѣтъ и не было никакой возможности; да если бы я и имѣлъ время, то конечно, и настоящихъ замѣчаній не имѣлъ бы возможности изложить, такъ какъ разработка китайскихъ корней требуетъ цѣлой жизни. Китайскій языкъ и его литература требуютъ такого разнообразнаго труда, что одному человеку нельзя во всемъ равно успѣть, а между тѣмъ, чѣмъ больше изучаешь, тѣмъ болѣе выступаютъ все новыя и новыя вопросы, которые имѣютъ притягательную силу, и которыхъ хотѣлось бы коснуться. Отъ этого-то я не могъ посвятить себя филологіи всецѣло; потому что мнѣ надобно было быть и историкомъ; я не историкъ, потому что мнѣ нужно быть и географомъ; я не географъ, потому что надо знать литературу; я не историкъ литературы, потому что нельзя не коснуться религій; я не богословъ, потому что долженъ быть и антикваріемъ....

Извѣстно, что я коснулся въ моей ученой дѣятельности всѣхъ этихъ предметовъ, и потому отъ меня нельзя требовать окончательной обработки ни одной части. Но я не думаю себя винить; всякій занимается тѣмъ, къ чему способенъ, и я гораздо болѣе считаю для себя и для настоящаго времени почетнымъ — внести въ науку одну или двѣ свѣжія идеи, которыя расшевелили бы ее, чѣмъ дарить тяжеловѣснымъ спеціальнымъ трудомъ, который, въ свое время, при развитіи науки, окажется все-таки ученою игрушкой.

Языки маньчжурскій, монгольскій и татарскій поражаютъ насъ не столько взаимнымъ сходствомъ словъ, сколько своимъ грамматическимъ единствомъ; если приставки и различны по корню, то въ каждомъ языкѣ каждая приставка почти всегда равносильна соотвѣтствующей приставкѣ другого, и притомъ количество и употребленіе ихъ во всѣхъ трехъ языкахъ почти одинаковы.

Но еще болѣе поражаетъ насъ сходство синтаксическое; для того чтобы перевести съ одного языка на другой, переводъ чисто под-

срочный будетъ самымъ лучшимъ и вѣрнымъ. Конечно, въ турецко-татарскомъ, какъ болѣе подвергшемся вліанію западныхъ флексивныхъ языковъ, найдутся уклоненія, но они едва-ли значительны.

Однакожь, если мы знаемъ, что арабскій языкъ, при всемъ своемъ вторженіи въ языки народовъ, исповѣдующихъ магометанство, не могъ измѣнить нѣзъ этимологическаго склада, что, не смотря на общензлѣстное давленіе китайскаго языка на японскій, послѣдній, забывъ почти совсѣмъ свои слова, удержалъ собственные этимологію и синтаксисъ, то должны заключить а priori, что или когда-то и гдѣ-то на языки взятые нами было черезъ-чуръ самое сильное давленіе какаго-нибудь посторонняго, или всѣ они суть развѣтвленія одного и того же языка.

Я долженъ напередъ сказать нѣсколько словъ о томъ, почему въ этой статьѣ обращаю болѣе вниманія на подтѣченные мною отношенія къ китайскому языку маньчжурскаго; а не другихъ. Дѣйствительно, въ свое время монгольскій и татарскій языки были первыми изъ восточныхъ, которые я началъ изучать; монгольскій языкъ былъ постоянно употребляемъ мною въ продолженіи десяти лѣтъ въ Пекинѣ, потому что у меня не переводились знакомые изъ Монголовъ, а однакожь, я не могу говорить и теперь о монгольскомъ того, что скажу о маньчжурскомъ; а можетъ-быть, говоря объ отношеніяхъ монгольскаго языка къ китайскому, нашлось бы сказать еще болѣе; то же самое, можетъ-быть, пришлось бы повторить и о татарскомъ, и о тибетскомъ, который я изучалъ всего болѣе. Однакожь скажутъ, что и до меня въ Россіи и въ Европѣ было много лучшихъ знатоковъ маньчжурскаго; почему же никто изъ нихъ до сихъ поръ не говорилъ того, что я буду говорить. Но вѣдь еще чуть ли и нынѣ, всѣмъ и каждому не запрещается учеными филологами касаться китайскаго языка, какъ исключительнаго, не имѣющаго никакой связи съ другими языками, живущаго какою-то особенною, не подходящею подъ общіе законы человѣческой рѣчи, жизнью. Что же мудренаго, что полагаясь на рѣшительный тонъ ученыхъ, и я, подобно мѣщанину Мольера, не знавшему, что онъ говоритъ прозой, никогда не подумалъ бы о сравненіи маньчжурскаго или какаго бы то ни было среднеазіатскаго языка съ китайскимъ, если бы мнѣ не пришлось преподавать долгое время китайскій языкъ совмѣстно съ маньчжурскимъ. Разбирая при преподаваніи маньчжурскія слова, я, естественно, гдѣ была очевидность, указывалъ на сходство маньчжурскаго языка съ китайскимъ; затѣмъ болѣе и болѣе расширялъ эту очевидность и отъ нея переносился къ болѣе отдаленнымъ формамъ. То, что я буду говорить здѣсь, это

уже остатокъ отъ воспоминаній, очень твердо вѣзавшійся въ мою память. Я не прибѣгаю ни къ какимъ даже справкамъ; но если мои предположенія покажутся при всемъ этомъ вѣроятными, то изысканія будущихъ учевыхъ могутъ собрать на этомъ же поприщѣ только еще болѣе новыхъ фактовъ изъ той же категоріи.

Эндурингъ, южита хуанди эчжэнь и кэши шамнаханъ манъ амил юйдамъ алмэ кайрэ ба нурунь боой бингэ дансэ да эчжэнь би — о милостяхъ и наградахъ, полученныхъ въ продолженіи трехъ лѣтъ отъ августѣйшаго и милосердаго монарха, записано въ государствен-ныхъ актахъ.

Кто въ этихъ словахъ маньчжурскаго языка, который нѣкоторые дерзкіе пытались сравнивать по благозвучности съ греческимъ, можетъ подозрѣвать какое-нибудь родство съ тонкимъ, плавнымъ китайскимъ? И однакожь, какъ мы увидимъ, эта довольно длинная фраза принадлежитъ всецѣло китайскимъ горнямъ. Но если бы мы вздумали объяснять каждое изъ приведенныхъ адѣсь словъ отдѣльно, то насъ, конечно, могли бы заподозрить въ пристрастіи, въ натяжкѣ; поэтому мы и не займемся частностями, а постараемся эти частности включить въ формы, приведенныя въ систему, такъ что приведенныя сейчасъ слова маньчжурскаго языка всѣ можно отисекать ниже въ курсивѣ.

Въ маньчжурскомъ языкѣ есть много словъ односложныхъ, сходныхъ или буквально, или съ нѣсколькими, очень понятными измѣненіями, съ китайскими: *моо* (к. му) дерево, *дэнь* (дань) зала дворцовая, *боо* (кит. у, ву, тат. ау, мнг. гэрэ отъ кит. гія, цзя) домъ, *цзюй* (цзы) сынъ, *босо* (бу, мн. бусъ) холстъ; *дао* (м! дагуу—о настаніи будетъ говорено ниже) отъ кит. *ди* младшій братъ, *яфанъ-танъ* садъ; *су-мби* к. *су* и *шу* распутывать, объяснять, *хафанъ* отъ *гуанъ* чиновникъ, *вэ* (кит. хэ, монг. хэнь, турец. хэмъ), *это*, *цзимби* приходитъ (кит. цзинь), *суй* (к. цзуй) вина, *юйдамби* продолжаться (к. го долго, давно), *каймби* братъ (кит. кюй, цюй; отсюда твт. кумъ, монг. кярэ, маньчж. *кама*—рука), *сайте*, кит. *шанъ* или *сянъ* хорошій. При этомъ замѣтимъ только одно, что буква *цз* въ маньчж. постоянно переходитъ въ *с*, только слова *цзюй* (чжуй), *цзимби* (чжимби) не подходятъ подъ это правило. Они, должно быть, читались сначала вмѣсто *цз* чразъ *чж*, или можно допустить, что въ одне время маньчжурскій языкъ допускалъ принятіе *цз*, а въ другое требовалъ его измѣненія.

Есть много и двусложныхъ, которыя и въ кит. состоятъ изъ двухъ іероглифовъ: *хуанъ ди* государь, *дамсэ* (данъцзи) реестръ,

хошань, хэшань бонъ, *хюшунь* кит. сяшунь—(хяшунь) дѣтская почти-тельность, *цзиньунь* кит. *цзиньунь* почитать, *донцзи* отъ *тинь цзянь* слышать; *кооли* (м. хооли), *цэ-ли* законъ, *кэши* (монг. кэшигъ, откуда и извѣстный монгольскій аймакъ кэшигтэнъ) милость, к. *хуйши*; *пучжу* к.—*пучоу* виноградъ.

Замѣчательно, что маньчжурское слово *чжанинь* (мг. цзанги) офицеръ происходитъ отъ китайскихъ словъ: *чжань инь* — держащій печать, то-есть, савонникъ или чиновникъ, у котораго по должности всегда есть печать; дикари Маньчжуры у себя, конечно, не знали никакихъ чиновъ, но Китайцы давали тѣмъ изъ нихъ, съ которыми вступали въ сношенія, различныя титулы, и всегда при этомъ всучивали печать; названіе *чжань инь* при первыхъ порахъ династіи маньчжурской давалось первостепеннымъ чиновникамъ. Сверхъ того, въ самомъ маньчжурскомъ языкѣ нѣтъ объясненія этому слову. Однакожь мы видимъ, что послѣ Китайцы переписывали маньчжурскій чинъ *чжань-ина* совсѣмъ другими іероглифами, чѣмъ тѣми, которыми пишутся слова: держать печать, то-есть, Китайцы не узнали въ маньчжурскомъ языкѣ своего собственнаго слова. Изъ этого ясно, какіе плохіе филологи Китайцы, и имъ ли было толковать о среднеазіатской филологіи; слѣдовательно, нельзя отвергать указываемаго нами сродства на томъ только основаніи, что Китайцамъ всего ближе было бы замѣтить сродство своего языка съ другими. Если въ прошломъ столѣтіи ученые Китайцы сдѣлали изъ Багдада Богдо, изъ Алималика Армуръ, изъ Иранъ Яланъ, то мы должны сказать спасибо, что Китайцы, не умѣющіе разработать и своего языка, не берутся за чужіе.

Но слова, мало измѣненныя, не представляютъ ничего особеннаго, и вторженіе ихъ изъ одного языка въ другой всеобщее; болѣе интересно наблюдать, какъ эти слова перерабатываются въ примѣненіи къ требованіямъ заимствовавшаго ихъ языка и кажутся его родными.

1) Мы находимъ въ маньчжурскомъ языкѣ китайскія слова, съ нарощеніемъ впереди гласныхъ: *ахунь* отъ *хюнь* или *сюнь* старшій братъ, *алинь* отъ *линъ* гора (тиб. ла, монг. агула чит. ула), *али-мби* братъ, кит. *минь* (тиб. лэнь, тат. ал-макъ) получать, *аня* (кит. нянь, монг. онъ) годъ, *или-мби* отъ *ли* стоять, *эчжэнь* отъ *чжу* государь *мжэ-мби* отъ *цзи*, *чжи* замѣчать, *умэ* (чит. умо) отъ *мо* не (запретительное повелительное какъ въ томъ, такъ и въ другомъ языкѣ), *бу* (монг. ябо) ходи (въ кит. *бу* шагъ); *яинь* кит. *чинь* чернѣй.

2) Передъ этими гласными являются въ свою очередь наростанія въ согласнымъ *з*, *х*, *б* и проч.

Гожинъ в. *жэнь* любовь, *ининъ* в. *нянь* мысль, *шунинъ* в. *цзинъ* холодезь, *гэсэ* в. *сы* — подобный, *бодо* в. *ду* размышлять, *цацзи* кит. *цзинъ* кончить, *мука*—*хэ* вода, *рѣка*, *хэчэнь*—кит. *чэнь* городъ (м. хотонъ, хотанъ). *никань*—кит. *хань* Китаецъ.

3) Иногда и послѣ гласныхъ съ нарожденіемъ или безъ нарожденія впереди согласныхъ вставляются еще *й* или согл. *р*. л. *айсинъ*—*цзинъ* золото (*цз* въ маньчж. постоянно переходитъ въ *с*), *айна*—*го* ешати, *айфу-фу* нарушить обѣщаніе, *элхэ*—кит. *хэ* спокойный, *млаха*—кит. *хун* цвѣтокъ, *албань-бань* подать, *дань* (кит. очередь, назначенная вассаламъ для приношенія дани), *ареунъ*—кит. *сунъ* ростокъ, *уксунъ* происходящій отъ царскаго рода, кит. *цэунъ*, *акдунъ-ду-дунъ* вѣрность, *окто* лѣкарство отъ кит. *ду* (въ монг. *акта* жеребецъ, тиб. рта, въ тат. *акча* деньги—кит. *цянъ*; отъ этого же *цянъ* между тѣмъ другимъ путемъ образовались маньчж. *цзиха*, превратившееся въ монгольскомъ въ *чжоюся*,—русское *чохъ*—мѣдная монета. Нѣтъ сомнѣнія, что монг. *ордо*, тат. юртъ царское мѣстопробываніе, столица происходитъ отъ кит. *ду* столица).

Мы опасаемся здѣсь говорить кратко о такихъ словахъ, въ которыхъ корень китайскій представляется въ болѣе измѣненномъ видѣ; потому что, не пускаясь въ подробное объясненіе фонетики, мы показали бы преувеличающими дѣло; такъ, напримѣръ, мы не беремся здѣсь объяснять, какимъ образомъ монгольско-маньчжурское *ариа* хитрость могло произойти отъ *фа*. Но мы должны замѣтить, что китайскій языкъ самъ по себѣ представляетъ такое странное родство буквъ, о которомъ не возможно сначала и подумать. Извѣстно, что одинъ іероглифъ берется тамъ часто для чтенія другаго, иногда съ тѣми же совершенно буквами, но иногда (и это во множествѣ случаевъ) съ буквами родственными; такимъ образомъ мы видимъ тамъ переходъ *с* въ *ш*, *ш* въ *ч*, *ч* въ *чж*, *чж* въ *д*, *д* въ *ж*; съ другой стороны, *с* является въ родствѣ съ *х*, *г*, *к*, *ц*, *цз*. Это показываетъ, что въ мѣстностяхъ, въ которыхъ составлялся сложный іероглифъ, онъ читался такъ, какъ та часть его, которая бралась для означенія чтенія; другими словами, что въ Китаѣ, съ древняго времени существовало множество нарѣчій, что подтверждается и древними памятниками, и настоящимъ состояніемъ разговорнаго языка китайскаго.

Но для примѣра мы позволимъ себѣ указать здѣсь только на возможность производить и такое маньчжурское слово, какъ *илань* три, котораго напрасно ищемъ въ другихъ извѣстныхъ намъ языкахъ, отъ китайскаго *самъ*—три. Въ китайскомъ языкѣ оказывается, что буквы

и и *цз* во многихъ іероглифахъ по звуку тѣ же, что и *л*, такъ что, напримеръ, іероглифъ *цзань* употребляется и для чтенія *лань*. Но это бы еще ничего; оказывается, что слова съ *цз* и *л* однозначущи, *цзань* и *лань* — оба значить видѣть, *цзинь* и *линъ* — собѣдъ; *цзюй* и *люй* толпа, *цзю* и *лю* все¹⁾ (изъ *цзѣ* вышло маньчж. множественное число *сэ*, изъ *лю* татарское *ларь*, *лэръ*, монг. *наръ*, *нэръ*, тибетское *намъ*). Въ Шидзинѣ слово рогъ читается *лу*, нынѣ тотъ же самый іероглифъ читается *цзѣ*. Китайскій іероглифъ (пронисской) *сань* три читается также *ци* и *чань* (три), а отсюда уже недалеко по приведеннымъ примѣрамъ дойти до *члань*. Возьмемъ еще въ примѣръ маньчжурское слово *мнэни* — день; кажется, какое тутъ средство съ китайскимъ *жи*, — но вотъ предъ нами слово *чанамъ* третьего дня; это уже легко сравнивать съ однозначущимъ китайскимъ *чанъ-жю* (и легко перешло въ *ч*); и дѣйствительно, въ тибетскомъ, родственномъ китайскому, *жи*, значущее и солнце, читается *нм*. Сличая отношенія китайскихъ корней съ измѣненіями ихъ въ двухъ, лежащихъ на противоположныхъ окраинахъ, языкахъ — тибетскомъ и маньчжурскомъ, мы находимъ, что китайскій звукъ *эрлэ* — средство съ *нм*, а отсюда и съ *жи*. Всѣ слова, произносящіяся нынѣ *эрлэ*, въ самыхъ китайскихъ лексиконахъ обозначены какъ читающіеся *нм*; нынѣ мѣстоименіе ты сохранило въ разговорѣ древнее чтеніе *ни*, но въ то же время, іероглифъ, показывающій его чтеніе, читается нынѣ *эрлэ*, и есть другое древнее слово, читаемое нынѣ *эрлэ*, значащее также ты; нынѣ два по китайски говорится *эрлэ* (отсюда варіантъ *лхэ*), но классическое его чтеніе *ни*, и въ тибетскомъ языкѣ два — *нэй*¹⁾.

¹⁾ Я давно уже пришелъ къ тому убѣжденію, что городъ Эрши въ Туркестанѣ, по имени котораго названъ знаменитый завоеватель западнаго края *Ли Гуанъ-ли* Эршійскимъ, долженъ читаться *Нини*, и что, слѣдовательно, самое имя побѣдителя читается нами неправильно. Напрасно отыскивали бы мы городъ Эрши, но названіе Нишбуръ, то-есть, Ниша или Нисапур, является на картахъ, только гораздо западнѣе того мѣста, въ которомъ мы его полагаемъ. Если такого города и не существовало восточнѣе, то это только служить доказательствомъ, какъ плохи еще наши историческія свѣдѣнія о вліяніи Китая на западъ въ эпоху I-го столѣтія до Р. Х. Это вліяніе, какъ и заимствованія отсюда, были гораздо сильнѣе, чѣмъ мы предполагаемъ. Китайцы не любили западныхъ странъ; потому что ихъ самолюбіе оскорблялось мыслию сознать превосходство другихъ, подтверждая это сообщеніемъ о заимствованіи; притомъ еще династія, которая сочиняетъ исторію своей предшественницы, неохотно говорить о ея славѣ. Поэтому, что мудренаго, что до насъ дошло очень мало точныхъ свѣдѣній о первыхъ сношеніяхъ Китая съ западомъ. Въ новѣйшее время китайскіе ученые предполагаютъ, что завоеванія Чингисъ-хана не заходили даже

Мы допустились; однакожь въ эти объясненія, чтобы здѣсь же доказать, что маньчжурское *ме* (гэ, га, го), которое приставляется къ глаголамъ для обозначенія подлежащаго, или опредѣляемаго, прибавляется и къ существительнымъ для превращенія ихъ въ прилагательныя (какъ выше: *эмдуринэ, ючэсина*) — одно и то же, что китайское *чжэ*, которое также означаетъ и подлежащее (тиб. *ми*, монг. *аму*), и прилагательное.

Но если китайское *жи* въ значеніи дня перешло въ *ми*, а въ значеніи солнца въ *шунь*, и если это видоизмѣненіе корня въ различныхъ значеніяхъ, въ различныхъ формахъ замѣчается не рѣдко (аргъ и фада-мби чародѣйствовать), то должно думать, что такое вторженіе въ языкъ происходило неодновременно, и тутъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго. Одно значеніе сдѣлалось уже обродненнымъ, когда корень вносится новыми пришельцами.

Уже вышеприведенныя нѣсколько словъ показываютъ, что кромѣ

Киргизскихъ степей; мы уже говорили, что они *Иранг* превратили въ *Илам* (иланъ, змѣя), а *Банда* въ *Бодо*, и находятъ его въ Цзюнгариі. Маньчжурской династіи, тяжело сознается, что она не такъ далеко зашла, какъ юаньская. Но только недавно я обратилъ вниманіе на знаменитый китайскій лексиконъ Эрль-Я. Лексиконъ этотъ считается самымъ древнимъ, чуть-ли не свыше 1.000 лѣтъ до нашей эры. Синологи, заглядывавшіе въ эту книгу, вѣрно сознаются, что ихъ поражаало множество неизвѣстныхъ и неупотребительныхъ словъ. Съ первымъ разу даже трудно добиться, о чемъ говорить эта книга, и когда она составлена. Но хоть и найдутся еще Европейцы, защищающіе эту китайскую древность, однакожь, сами ученые Китайцы сознаются, что редакция нашего лексикона поздняя, потому что въ нее вошли еразы, заимствованныя у позднѣйшихъ писателей. Мы находимъ въ ней такія слова, которыя доказываютъ, что эта редакция не могла быть ранѣе открытія Китаемъ западнаго края, прежде знакомства съ индѣйскимъ образованіемъ. Такъ говорится о *Ванг му*—матери боговъ, жившей на западѣ, упоминается о мѣсяцѣ *Шушика*, носящемъ явно характеръ иностраннаго слова. Но положимъ, что книга составлена была ранѣе, а въ нее вошли позднѣйшія вставки. Однакожь что значить по китайски Эрль-я? Китайцы даютъ этому названію толкованіе: близкаго къ истинѣ. — Что за чушь въ названіи лексикона!—очевидно, что это натяжка, не имѣющая смысла. Но если читать вмѣсто Эрль-я—*мил*, то это слово напоминаетъ санскритское *мил* — названіе вѣстной философской школы, отличавшейся анализомъ. Разсматривая составъ лексикона, находимъ, что онъ синонимическій, начинается съ опредѣленія—какими словами выражается слово: начало. Неволяно приходится на мысль, что китайскій лексиконъ Эрль-я есть, можетъ-быть, только простой переводъ какого-нибудь древняго санскритскаго лексикона, — оттого авторъ и долженъ былъ прибѣгать и къ выдумкѣ новыхъ словъ, и къ приданію существовавшимъ не принадлежащаго имъ смысла.

нарастающаго среди китайскаго корня, происходило и измѣненіе его въ окончаніи (чжу-эчжень, цзы-изюй, цзинь-цзи и т. д.)—*битъэ* книги (монг. битикъ, тат. бит-макъ) происходитъ отъ китайскаго *би* книга, которою пишутъ. Между прочими измѣненіями въ окончаніяхъ мы будемъ говорить здѣсь, какъ о болѣе характеристичной, о приставкѣ къ китайскому корню (иногда въ измѣненномъ за то окончаніи) буквы *р*, предшествующей и послѣдуемой гласными, въ свою очередь предшествующими и послѣдуемыми согласными. Мы беремъ прежде всего слово *персикъ*, такъ какъ извѣстно, что Китайцы познакомились съ нимъ во II вѣкѣ до Р. Хр. въ Туркестанѣ, и только чрезъ Китайцевъ узнали его Маньчжуры. По китайски персикъ *тао*, по маньчж. *торо*. На этомъ основаніи мы легко убѣждаемся, что и *дао* путь слышно въ маньчж. *доро* (монг. *туру*), *ю* государство въ *зурунъ*, *му* видъ въ *мурунъ*, *хай* вредъ въ *коро* (монг. *хооръ*), *из* раздѣленіе въ *юро* далекій; идемъ далѣе:—*фу* въ *фучжур* и *хурури* счастье, богатство, *шэнь* духъ въ *эндур*. Это отбрасываніе *и* отъ китайскаго корня наводитъ насъ на мысль, что маньчжурское—*эринъ* время едва-ли не происходитъ отъ кит. *ши*. По этому производству и *оронъ* мѣсто, прежде всего означавшее мѣсто, занимаемое созвѣздіями, происходитъ или отъ кит. слова *су*—созвѣздіе или *шу* мѣсто,—мѣсто, въ которое вставляется ножка двери. Отсюда происходятъ монгольскія слова *урун* и *дорона-изу*—востокъ и западъ. (Такимъ образомъ, *д* есть остатокъ отъ кит. слова *дунъ* востокъ, а *у* сокращеніе изъ *си* западъ. Слова *Иранъ* и *Туранъ* не отсюда ли должны быть объясняемы?) *Судури* исторія (монг. *судуръ*) едва-ли еще происходитъ отъ санскритскаго *сутра*, а не прямо отъ китайскаго *ши*.

Для насъ всего интереснѣе, конечно, будетъ производство *моринъ*, откуда нашъ меринъ, отъ китайскаго слова *ма* лошадь. При этомъ мы замѣчаемъ, что такіа окончанія болѣе свойственны маньчжурскому, а не монгольскому языку, то-есть, что уже чрезъ маньчжурскій языкъ вошли въ монгольскій, а не прямо заимствованы послѣдніе изъ китайскаго. Что это немудрено объяснить, стоитъ только припомнить, что Чингисханову владычеству предшествовало владычество маньчжурскаго Агуды.

Другое не менѣе интересное для насъ слово будетъ маньчжурское *батуру*, превратившееся въ монгольскомъ въ *багадуръ* (о томъ, какъ явился складъ *из*, будетъ говорено ниже), а у насъ являющееся въ обонхъ видахъ (батырь и богатырь). И здѣсь тоже должно замѣ-

титъ, что по окончанію *журу*, свойственному маньчжурскому языку, *бинидуръ*, заимствовано изъ послѣдняго, и потому заимствователями разнесено по всему свѣту вмѣстѣ съ побѣдами. Что же значить кит. корень *ба*—(замѣтимъ, что и въ тиб. богатырь *ба* *дба*)? *Ба* значить дѣржать крѣпко (монг. *барну*, маньчж. *бахамби*), вырывать, преграждать (плотина), забанъ и проч.; вообще всѣ слова въ кит. относящіяся къ звуку *ба* означаютъ силу, насиліе, твердость. Отсюда же можно объяснить и турецкое *бай* (монг. *баинь*) богатѣй; хотя нынѣ на китайскомъ языкѣ богатѣй выражается словомъ *фу*, но фонетическая группа этого звука предлагается и къ словамъ, читающимся *ба*; сверхъ того, очень немудрено, что и слово отецъ *фу* (тиб. *па*) читалось хоть въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ *ма* и *ба*. Но намъ вѣстается, что и не надобно пускаться такъ далеко въ филологическія изысканія о словѣ *ба*: оно на востокѣ сдѣлалось знаменитымъ историческимъ названіемъ героя, воспоминаемаго и донынѣ въ китайскомъ народѣ. Это былъ Санъ цзи, уничтожившій окончателью династію Цинь (основанную—Цинь ши хуанъ *ди*), распорядившійся всѣмъ Китаемъ, но послѣ погибшій отъ китраго Лю банъ, основателя Ханьскаго дома. По китайскимъ понятіямъ названіе *Ба* съ этого времени дается тому царю, который прибрѣлъ власть не добродѣтели, но силою оружія.

Европейцы переводятъ это *ба* словомъ деспотъ, но ему болѣе соответствуетъ первоначальное значеніе слова: герой, императоръ. Такимъ образомъ, звукъ *ба* могъ войти въ маньчжурскій языкъ не только въ главномъ, отвлеченномъ его значеніи, но и съ воспоминаніемъ о храбромъ императорѣ. Что же касается до того, что слово *батуру* нынѣ не имѣетъ важнаго значенія, такъ мы увидимъ ниже, что и другія китайскія титла: *Цзайсанъ*, *тай сан*, означающія въ Китаѣ первыя чины имперіи, тоже нынѣ въ средней Азіи придаются незначительнымъ личностямъ.

Мы не знаемъ особенностей киданьскаго языка, почитаемаго посредствующимъ между монгольскимъ и маньчжурскимъ; можетъ-быть, и въ немъ уже было окончаніе *р* съ гласными впереди и послѣ. Что касается до происхожденія этого самаго окончанія, то оно объясняется простонароднымъ китайскимъ языкомъ, въ которомъ во многимъ словамъ прибавляется суффиксъ *эрлэ* (еще *цзи* и *тоу*)—и теперь еще говорятъ *таерлэ*, *мао-рлэ* и проч. Маньчжурскій языкъ не терпитъ двухъ согласныхъ *да* и гласныхъ вмѣстѣ; потому онъ или

передѣлываетъ гласную китайскаго корня, или передъ слѣдующею гласной вставляетъ еще согласную ¹⁾).

Происхожденіе окончанія на *p* въ маньчж. языкѣ однакожь объясняетъ его относительную древность; если, какъ мы уже замѣтили выше, читающійся нынѣ въ китайскихъ словахъ *эръ* есть звукъ новый, появившійся, можетъ-быть, только послѣ Р. Хр. то понятно, что и маньчжурскій языкъ заимствовалъ его не ранѣе этого времени.

Такимъ образомъ мы видимъ, что односложный китайскій корень превращается въ маньчжурскомъ языкѣ, не прибѣгая еще къ грамматическимъ вставкамъ и приставкамъ, въ двухъ и трехъ-слоговыхъ слова. Спрашивается — отчего происходитъ такое превращеніе? На первый взглядъ отвѣтъ, кажется, готовъ: того требуетъ духъ заимствующаго языка; такъ, въ новѣйшее время, когда Маньчжуры переводили на свой языкъ китайскія книги и встрѣчали въ нихъ слова, не существовавшія въ своемъ, то давали китайскому произношенію только маньчжурскую форму, то-есть, или измѣняли нѣсколько букв, или передѣлывали начало или конецъ, или то и другое вмѣстѣ. Объ этомъ процессѣ можно сказать, что онъ производился по духу маньчжурскаго языка. Но если мы зададимся убѣжденіемъ, что всѣ маньчжурскія слова происходятъ отъ китайскихъ корней, то что же мы должны будемъ назвать духомъ маньчжурскаго языка? Вѣдь тогда мы, всего естественнѣе, должны сказать, что китайскій языкъ имѣлъ или имѣетъ способность къ превращеніямъ, сообразно съ мѣстностію, съ природою, вліяющею на организмъ человека. На своей родинѣ онъ сдерживается въ сжатой, моносиллабической формѣ своею особенною письменностію; забывши ее, или освободившись отъ нея, на чужбинѣ, онъ, какъ и другіе языки, получаетъ способность разрастаться, — но не теряетъ ли при этомъ своего богатства, своей гибкости? Это мы увидимъ.

Спрашивается, сколько китайскихъ корней въ маньчжурскомъ языкѣ? Съ показанными признаками, конечно, нельзя сказать, чтобы весь языкъ заключалъ въ себѣ китайскіе корни. Мы упомянули уже, что не позволяемъ себѣ никакой натяжки, которая, при первомъ разъясненіи предмета, заставитъ скорѣе заподозрить дѣйствительность разъясненія; сверхъ того, мы только ниже будемъ говорить объ об-

¹⁾ По образцу хутури—счастье составлено изъ *мэдэри*—море. Мы имѣемъ основаніе думать, что нынѣшнее китайское названіе моря *тай* не есть древнее, потому что звуковая часть его иероглифа читается *мэй*; кромѣ того, извѣстное названіе Шамо переродить: пресачное море.

разованіи изъ китайскихъ корней маньчжурскихъ глаголовъ. Но намъ кажется, что можно было бы принять за правило, что количество корней одного языка въ другомъ опредѣляется количествомъ грамматическихъ знаковъ, правилъ, внесенныхъ въ этотъ языкъ, и потому познакомимся съ маньчжурскою этимологіей.

Мы выше уже сказали, что китайскій языкъ надобно считать приставочнымъ; въ немъ есть слова, отдѣльно стоящія, но показывающія падежъ, число, время, залогъ, подлежащее, нарѣчіе и проч. Но вотъ въ чемъ разница: въ китайскомъ языкѣ всѣ эти приставки сохранили, болѣею частію, свое первоначальное значеніе. Эти слова не мертвыя частицы (хотя и Китайцы ихъ называютъ пустыми буквами, заимствуя такое названіе отъ знакомства съ санскритскимъ) а именно тѣ оживляющія рѣчи слова, на которыхъ основаны связь и смыслъ рѣчи; это глаголы болѣе живые, болѣе необходимы для понятіи, чѣмъ другіе глаголы, встрѣчающіеся только для самихъ себя, а не для рѣчи вообще; это болѣе, чѣмъ приправа,—это кухни языка. Что бы ни говорили, а нельзя представить себѣ первоначальнаго языка прямо съ суффиксами и префиксами, съ флексіями, безъ ихъ первоначальнаго значенія. Эти глаголы китайскіе означаютъ, по болѣею части, различные виды движенія, дѣйствія, и понятно, что для связи словъ, чтобъ ихъ сдвинуть, надобно было употреблять именно такіа слова. Мы находимъ, что китайскій языкъ даже наши знаки препинанія выражаетъ словами — глаголами. Флексія не то ли же, что приставки, только болѣе слившіяся съ языкомъ, такъ что трудно добраться до ихъ первоначальной формы? А приставки имѣютъ ли значеніе? Приставки, по крайней мѣрѣ, въ разбираемыхъ нами языкахъ, и притомъ въ падежахъ, а не во временахъ, обыкновенно называются послѣрѣчійми, соответствующими нашимъ предлогамъ. Но и предлогъ, равно какъ и союзъ, суть ничто иное, какъ первоначальная норма глагола; ими показывается передвиженіе словъ и предложений или фразъ. Если смотрѣть съ этой точки на языкъ, то его богатство, или лучше сказать, сила (потому что богатство принадлежитъ корнямъ) зависать отъ количества тѣхъ вспомогательныхъ глагольныхъ корней, которые онъ сохранилъ въ своемъ языкѣ. Оттого китайскій языкъ, считаемый бѣднымъ, надобно считать однимъ изъ богатѣйшихъ; потому что онъ располагаетъ большимъ количествомъ вспомогательныхъ глаголовъ, и такъ какъ, еще это глаголы, а не приставки или флексіи, потому въ немъ больше оборотовъ рѣчи, такъ какъ глаголъ можетъ стоять то впередъ, то сзади;

затѣмъ тѣ же глаголы даютъ ему возможность до безконечности измѣнять отгѣнки мысли.

Разбираемые нами языки бѣдны и приставками, и оборотами рѣчи, или періодами, такъ что ихъ едва-ли можно назвать языками, принадлежащими первобытнымъ племенамъ.

Теперь спрашивается: приставки маньчжурскаго языка представляютъ ли средство съ китайскими глаголами? Мы возьмемъ прежде приставку винительнаго падежа, такъ какъ и у насъ винительный падежъ часто сходенъ съ родительнымъ. Онъ въ маньчжурскомъ языкѣ отличается отъ другихъ средне-азиатскихъ (въ монг. *in*=ги), въ тат. *ни* можно производить прямо отъ родительнаго падежа; въ тибетскомъ даже вовсе нѣтъ приставки винительнаго падежа); въ китайскомъ разговорномъ, отчасти и въ книжномъ, языкѣ, употребляютъ, когда понадобится, для винительнаго падежа глаголы: *изни* намѣреваться, и *ба* брать. Послѣдній-то, мы полагаемъ, и перешелъ въ маньчжурскомъ языкѣ въ приставку *бэ* (читается *бо*). Конечно, мы не осмѣлились бы сдѣлать это предположеніе, если бы только одна эта приставка представляла небольшое сходство съ китайскимъ.

Приставки дательнаго падежа: въ тиб. *ду*, въ монг. *дурь*, *дорь*, *да*, *дэ*, въ маньчж. *дэ*, конечно, родственны между собой; въ китайскомъ они обыкновенно выражаются глаголомъ *юй* или *цзи*, *эй* (тат. *э*), которыя значатъ давать. Но въ этомъ же смыслѣ можетъ быть употребленъ и глаголъ *дуй*—противоположный, соответствовать, еще ближе глаголъ *дэ* получить (въ тиб. *дэръ* давать).

Родительный маньчж. *и* (монгол. *инъ*, тат. *нинъ*) представляетъ прямое сходство съ тибетскимъ *и*, ставимымъ послѣ существительныхъ, оканчивающихся на гласную; но въ послѣднемъ послѣ согласныхъ употребляется уже не *и*, а *иу*, *кхи* читай (*чжи*). Очевидно, что *и* и *чжи* принадлежать къ одному корню; въ среднеазиатскихъ языкахъ то и дѣло въ различныхъ нарѣчіяхъ произносятъ то *и*, то *чжи* (*иль*, *чжилъ*, *иръ*, *чжиръ* и т. д.). Но тиб. *чжи* прямо сходно съ китайскимъ глаголомъ *чжи* идти, постоянно употребляемымъ для означенія родительнаго падежа. Сверхъ того въ китайскомъ языкѣ есть іероглифъ *и*, означающій также—идти, только онъ не употребляется для родительнаго падежа.

Но мы для того и не начали съ родительнаго падежа, чтобы показать маленькую особенность маньчж. родительнаго *и*. Онъ же, какъ говоритъ грамматика, въ извѣстныхъ случаяхъ употребляется и для

означенія творительнаго падежа; разумѣется, съ натяжкою можно объяснить и переходъ родительнаго въ творительный, но только эта приставка та ли же самая? Въ тибетскомъ, говоря вообще, творит. падежъ выражается также немного похоже на *и*, прибавляя только краткую *й* (пишется однакожь с: *йй* — *истъ*). Но вотъ что представляетъ намъ китайскій языкъ: творительный падежъ выражается въ немъ многими глаголами, между прочимъ глаголомъ *и* орудовать, чрезъ. Не слились ли въ одной маньчжурской приставкѣ два различные корни или глагола? Замѣчательно, что другое слово, тоже употребляемое китайскимъ языкомъ для означенія творительнаго падежа, почти утратившее значеніе: *эрль* вошло въ монгольскій языкъ тоже для творительнаго падежа; но, какъ мы сказали выше, *эрль* читалось *ни*, и по всему видно, что оно родственно *и*, вошедшему въ маньчжурскій языкъ. Изъ этого надобно заключить, что монгольскій языкъ сравнительно моложе маньчжурскаго.

Мы не рѣшились бы еще выводить, что въ родительномъ и творительномъ падежахъ маньчжурскаго языка два китайскіе корни, если бы къ этому не уполномочивало насъ еще болѣе интересное явленіе. Это предложная приставка *ци* (монг. *эцэ*, читай: *сэ*, *эсэ*) — *изъ*, *отъ*. Кажется, послѣ приведенныхъ примѣровъ, все даетъ намъ право видѣть въ немъ кит. *цзы* — *изъ*, *отъ*, выходить. Но если понятно, что это *ци* служить для означенія сравнительной степени (ты *отъ* добръ, то-есть, добрѣ тебя — въ кит. однакожь не употребляется), то какимъ образомъ объяснить употребленіе *ци* для означенія числительныхъ порядочныхъ (или-*ци* третій) и потомъ для означенія условнаго времени въ глаголахъ (или-*ци*, если встанетъ)? Но вотъ что мы находимъ въ китайскомъ языкѣ: *цзы* значить, какъ мы сказали, *изъ*, *отъ*, а для означенія числительныхъ употребляется *ци*, что значить *порядокъ*, а іероглифъ *ци* означаетъ условіе. Итакъ, въ одной маньчжурской граматической приставкѣ уже заключаются три китайскіе корни! И это-то именно объясненіе китайскими корнями, кажется, еще болѣе доказываетъ, что маньчжурскія приставки не родились въ своемъ языкѣ.

Знаки множественнаго числа, какъ извѣстно, рѣдко употребляются, когда впереди или послѣ стоятъ слова, указывающія множество (человѣкъ — всѣ, различные — человѣкъ); въ маньчжурскомъ только нѣкоторыя слова имѣютъ приставки или окончанія собственно множественнаго числа — *са*, *сэ*, *та*, *тэ* и проч. Но здѣсь гласныя соотвѣтствуютъ требованіямъ, сложившимся въ языкѣ, а *т* надобно прини-

мать за переходъ *и* въ *с* (въ монг. *би* и, *и*рхъ... *и*хъ... *би* и). Такимъ образомъ выходитъ, что корнемъ окончаній множественнаго числа будетъ *сэ*, а мы уже выше сказали, что въ дѣ китайское *и* въ маньчжурскомъ переходитъ въ *с*; въ китайскомъ же *и* въ *и*хъ — въ *и*хъ, одно изъ словъ, употреблявшихся для означенія множественнаго числа; это слово уже сливается въ маньчжурскихъ словахъ, когда какъ другія — *и*хъ, *и*рхъ (последнее образовалось по образцу *и*хъ или *и*рхъ), происшедшія въ разное время, если не отъ одного и того же *и*хъ, то отъ китайскаго *и*хъ — *и*хъ, *и*хъ, *и*хъ, какъ и въ китайскомъ, одинаково.

Прилагательныя во всѣхъ трехъ являютъ не имѣють особен-
ныхъ окончаній и не принимаютъ особнѣй приставокъ, когда осто-
предъ существительнымъ; одни же принимаютъ такія же надежныя
приставки, какъ и существительныя. Ханъ въ маньчжурскомъ; тагъ
и въ монгольскомъ. Языкъ есть тѣмъ уменьшительныя (а не увели-
чительныя, которыя выражаются перифразами) прилагательныя, окан-
чивающіяся какъ въ томъ, такъ и въ другомъ языкахъ, на слѣды:
ханъ, ханъ, ханъ въ этой примѣлкѣ нельзя не признать китайское
ханъ: мало — анци-ханъ (монг. удучанъ), малый, отъ китайскаго 434
нѣсколько.

Личныя мѣстоименія въ китайскомъ языкѣ должны были первоначально значить: первое лице: *я*—я (другая форма, какъ фонетическая група, также служить для означенія чтенія *юа*, отъ нея произошло во, *нго*, среднее: съ *дибетикингъ* (*нгъ*) говорящій (тиб. *нгаль*—языкъ, *нгагъ*—приваивать). Второе лице: *ты* или *эра* значить: близкій (тиб. *нвѣ*), для третьяго лица: *ни*—онъ, —особый, или, иностранный и *та*—чужой. Въ маньчжурскомъ языкѣ для третьяго лица *и* удержалось безъ перемѣны, и если за первую форму принимать не *и*, а *инъ*, то мы находимъ, что свойство фонетической группы *и* точно такое. Отъ этого вышло, по объясненному выше способу, указательное *эра* сей, а отъ *эра* относит. *тэрэ*—тотъ, общія какъ монгол., такъ и маньж. языкамъ; съ тѣмъ различіемъ, что *тэрэ* въ монгольскомъ употребляется и для означенія третьяго лица. Нѣтъ сомнѣнія, что татарское *у*, *улъ* онъ (указат. *бу*) также сродно съ *и*, потому что въ родительномъ надежѣ имѣють *ининъ* (маньж. *ин'я*). Второе лице *си*, —*синъ* (монг. *чи*), я думаю, также есть измѣненіе китайскаго *цзинъ* (цз. въ *с*) близкій, которое также надобно производить во второй (или третьей) формѣ отъ *эра* *ты* (какъ *эръ* и *линъ*—въ значеніи *два*). Но первое лицо *би*, *бинъ*, хотя и можно

было бы съ нѣтяжкою притянуть къ *so* или *su*, но такъ какъ корень *ero* во всѣхъ трехъ языкахъ несомнѣнно былъ *минъ* по присутствію его въ косвенныхъ падежахъ, то думаю, что здѣсь скорѣе скрывается китайское слово *минъ* — имя, повелѣніе, сообщеніе. Замѣчательно, что *эргъ* — близкій въ китайскомъ языкѣ употреблено и для числительнаго два и для втораго лица (*tu duo?*), а выше сказано было, что по тибетски два *мѣй* (близкій — *нѣ*); татарское *учъ* — три (равно какъ и монгольское *суръ* — въ гурбанъ) тоже не отъ *у* ли? Еще замѣчательно, что *я*, какъ въ китайскомъ (*у*), такъ и въ тибетскомъ (*нга*) равно употребляется для означенія числа пять; татарское *бинъ* тоже не отъ *би* ли — хотя въ немъ и можно видѣть сокращеніе санскритскаго *манмачжа*, но я не думаю, чтобы маньчж. *сумчжа* происходило отъ *манмачжа*; большая часть маньчжурскихъ числительныхъ имѣетъ средство съ тибетскимъ: *дунъ-наданъ*, *чжэнь-чжауъ*, *гу* (кит. цзю) *уонъ*, *чжу-чуанъ*. Замѣтимъ кстати, что среднеазиатское *туманъ* — десять тысячъ должно представлять средство съ китайскимъ *самъ* (мань?).

Извѣстно, до какой многосложности достигаютъ языки флексивные; и конечно, всего обильнѣе такими словами языкъ санскритскій (гагарод'апатанакалуна). Но если признакомъ словъ сложныхъ не ставить непременно измѣненіе окончанія словъ, приставляемыхъ спереди, то въ этомъ случаѣ китайскій языкъ неспоритъ съ санскритскимъ; по свойству этого языка управляющій глаголъ часто отдѣленъ отъ примаго, управляемаго имъ слова двумя, четырьмя, даже восемью словами (можно найти и болѣе), дополняющими послѣднее, и такъ какъ они являются въ этомъ случаѣ безъ всякихъ этимологическихъ знаменъ, то ихъ слѣдуетъ принимать за сложное слово. Многосложность существуетъ въ китайскомъ языкѣ и въ другихъ видахъ: *so чуанъ* (огонь — дождь), *цянъ лъ янь* — тысяча-миллионъ глазъ суть такіе же сложные слова, какъ и наши: пароходъ, телескопъ; только, такъ какъ іероглифическое письмо требуетъ отдѣльной постановки каждаго отдѣльнаго слова, то подобныя слова и не кажутся намъ составными. Въ средне-азиатскихъ языкахъ, напротивъ, всего менѣе замѣтна склонность къ такой сложности; только при большомъ напряженіи мы подмѣчаемъ, напримеръ, въ нѣкоторыхъ маньчжурскихъ словахъ, что они составлены изъ двухъ или изъ трехъ словъ: *нѣннѣри* — весна, *чжувѣри* — лѣто, *тувѣри* — зима образовались изъ *эринъ* время съ стоящими впереди *нѣнь* (к. цань) прежде, *чжуэ* два, *дуинъ* четыре (первое, второе, четвертое время года); въ *сувалъ* желтый, *фумилъ* красный, *ламунъ* зеленый и проч. видно слитіе ки-

тайскихъ словъ: *хуанъ* (желтый), *хунъ* (хфунъ, превратившееся въ *фулъ*) красный, *ланъ* (зеленый), — съ *янъ* красна, цвѣтъ. *Аммбагараку*, весьма состоитъ изъ *амма* держа, *батара* можно, *аку* не (нельзя удержаться). Въ этомъ отсутствіи наклонности къ составленію словъ сложныхъ нельзя не видѣть отличительной характеристики средне-азиатскихъ языковъ въ отношеніи къ флексивнымъ и моносилабическимъ; они представляются какими-то недорослями, которые стремились къ развитію, но не дошли до него вполне. Маньчжурскій языкъ кажется мнѣ не иначе какъ чахлымъ вырождающъ китайскаго.

Однакожь, если въ приставкахъ тоже видѣть особня слова, то развѣ склоненія и спряженія должны представляться намъ чѣмъ другимъ какъ не сложными словами, съ тою только разницей, что это слова этимологическія, а не лексическія? Маньчжурскій языкъ представляетъ собой ясное свидѣтельство постепенности перехода отъ приставки къ окончанію и флексіи; разсмотрѣнныя нами приставки надеждой могутъ стоять отдѣльно отъ самаго слова, въ которому онѣ относятся или сливаются съ нимъ. Главная же многосложность въ немъ состоитъ изъ требованія языка придать къ китайскимъ корнямъ спереди или сзади, вмѣстѣ или порознь, слоговъ, состоящихъ изъ одной или нѣсколькихъ слоговъ (буквъ) или изъ сліянія приставокъ; хотя бы, положимъ, онѣ и не происходили отъ китайскихъ корней, но такъ какъ онѣ суть этимологическіе элементы, то ихъ нельзя отличать отъ приставокъ. Многочисленные китайскіе корни, изъ которыхъ составляются глаголы, рѣдко остаются одни въ маньчжурскомъ языкѣ только съ глагольными окончаніями, свойственными послѣднему (*ла* = *мби*, *цзи* = *мби*, *тэ* = *мби* и проч.). Они требуютъ вставленія между этими окончаніями и корнемъ слоговъ, составившихся изъ согласныхъ — *а*, *и*, *с*, *д* и проч. Между этими слогами всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе слогъ *ла* (*лэ*, *ло*). Онъ общій для всѣхъ трехъ разбираемыхъ нами языковъ: *башламакъ*, *эчжэлэмби*, *эчжэлэху*; этотъ слогъ вмѣстѣ со знакомъ родительнаго падежа какъ бы свидѣтельствуесть о томъ, что было время, когда всѣ три языка еще составляли одинъ, и потомъ, сохранивъ въ себѣ только одну норму этимологическихъ и синтаксическихъ законовъ языка, подверглись отдѣльно вліянію китайскаго. Что долженъ значить этотъ слогъ *ла* (*лэ*, *ло*)? Приведенныя три слова значать главенствовать, властвовать. Они происходятъ въ татарскомъ отъ существительнаго *башъ* голова (*в. шоу*), а въ монгольскомъ и маньчжурскомъ отъ *эчжэнь* (*в. чжу*) государь; значить: для образованія изъ нихъ глагола, тутъ долженъ

участвовать приблизительно глаголь — *сдѣлаться*. Въ китайскомъ не представляется съ перваго взгляда слова, подходящаго къ *ла* или *лэ* дѣлатъ, дѣлаться, которое по китайски *вэй*; но въ тибетскомъ есть слово *тай* (пишется *ласъ*, а читается ближе къ *лэй*) дѣло, да въ китайскомъ является *лэ*, *ляо* — окончить, совершить. Сверхъ того, между тѣмъ какъ въ тибетскомъ дѣло *лэй*, глаголь дѣлатъ пишется *вѣдэ* (д на концѣ произносится какъ й), и этотъ переходъ изъ л въ губныя мы находимъ также въ названіи руки — *лапъ* и *пяпъ*. Для меня труднѣе опредѣлить происхожденіе маньчжурскаго глагола *арамби* дѣлатъ (к. *вэй*), хотя оно имѣетъ еще значеніе: писать (к. *вэнь*), но полагаю, что въ другихъ случаяхъ при образованіи производныхъ глаголовъ вставкой слоговъ съ *р* и *н* послѣдніе представляются только видоизмѣненіями *л*; что же касается до слоговъ *д* и *с*, то думаю, что корнемъ этихъ вставокъ можетъ почитаться общеупотребительный китайскій вспомогательный глаголь *да* (бить), въ самомъ китайскомъ языкѣ употребляющійся въ многообразномъ смыслѣ.

Эти вставки для образованія глагола потомъ встрѣчаются и особо для образованія различныхъ залоговъ, изъ которыхъ одни, какъ повелительный, страдательный, взаимный, общи всѣмъ тремъ языкамъ (хотя вставки и различны), другіе же, показывающіе движеніе съ мѣста и движеніе къ мѣсту, свойственны только маньчжурскому. Трудно опредѣлить, откуда произошла вставка на, нэ, но, означающая движеніе съ мѣста; конечно, можно бы ясно видѣть, что здѣсь скрывается глаголь *изэмби* идти, но этотъ глаголь надобно производить отъ кит. *нэ* входить, и тогда въ немъ слогъ *нэ* есть уже грамматическая вставка, и я боюсь впасть въ натяжку, производя эту вставку отъ того же глагола *и*, который, мы видѣли, присутствуетъ въ родительномъ падежѣ и переходитъ въ *ни*. Что же касается до *изи* — вставки въ глаголахъ, показывающихъ движеніе къ мѣсту, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь мы видимъ глаголь *изи* = *мби* приходить, который мы сравнили съ китайскимъ *изимъ*. Точно также вставка для общаго залога *ду* = *нду* можетъ быть объяснена кит. словомъ *ду* всѣ; страдательная *бу* — китайскимъ *бай* бить и быть. Наконецъ, есть еще учащательная форма, образуемая вставкой *ча* отъ кит. *чанъ* часто: *оми* = *ча* = *мби* попивать, *тэ* = *чэ* = *мби* посиживать.

Причинающая форма въ маньчжурскомъ языкѣ сходна съ страдательной, и можно бы, съ натяжкой, объяснить ея происхожденіе изъ страдательной, тѣмъ болѣе, что та и другая требуютъ различныхъ надежей въ иженіи, но такъ какъ въ монгольскомъ и татарскомъ язы-

кахъ эти формы выражаются несходными вставками, то я предлагаю для объясненія повелительной формы *бу* маньчжурскій глаголь *бумби*—давать, кит. *бу* распространять въ словѣ *бу-ши* подавнѣ.

Такимъ образомъ, три средне-азиатскіе языка по справедливости могутъ назваться не только приставочными, но и вставочными. Приставокъ не чужды и языки флексивные; вставки этимологическихъ частицъ составляютъ въ трехъ языкахъ замѣну словъ сложныхъ.

Но обратимся далѣе къ глаголамъ. Окончаніе неокончательнаго наклоненія и настоящаго времени изъявительнаго въ маньчжурскомъ языкѣ на *мби* въ самомъ себѣ предполагаетъ двѣ разнородныя приставки уже слившіяся: *мэ* приставка дѣепричастія настоящаго времени и *би*. Откуда взялось это *мэ* и что оно значитъ,—вотъ чего я никакъ не могу объяснить изъ китайскаго языка. Соответствующее *мэ* въ монг. *чжу* находится въ китайскомъ *чжо*, *чжао*, означющемъ также дѣепричастіе (цзянь—чжо, уцзэчжу—видя). Думаю, что едва ли это *м* не то же *м* въ татарскихъ языкахъ, въ которыхъ неокончательное наклоненіе оканчивается на *макъ*, *мэкъ*, *мокъ*; думаю, что татарское *к* послужило монгольскому окончанію неопредѣленнаго наклоненія на *ку*, *ху*, а въ маньчжурскій вошло только *м*. Что же касается до *би*, то по моему мнѣнію, никакъ нельзя соблазняться сходствомъ его съ общимъ всѣмъ тремъ языкамъ мѣстоименіемъ перваго лица *би*, *бимъ* (кит. во, нго, у, юй, тиб. нга), потому что оно приставляется ко всѣмъ тремъ лицамъ настоящаго времени въ обоихъ числахъ. Это тотъ же китайскій глаголь *бай* быть и бить; въ монгольскомъ онъ еще ближе къ китайскому; это: *буй* и въ настоящемъ времени переходить въ *муй*, *мой*.

Затѣмъ въ маньчжурскомъ языкѣ прошедшее время выражается приставкой, состоящей изъ согласной *к* или *х* съ гласными, въ монгольскомъ на *мугэ*, произносимое *лэ*; въ китайскомъ для обозначенія прошедшаго времени употребляются, между прочимъ, глаголы *ю* проходить и *лэ* кончить; едва ли можно сомнѣваться, что первый отнесень къ маньчжурскому, а второй—къ монгольскому.

Труднѣе объяснить окончаніе будущаго изъявительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ причастія на *р* съ гласными; конечно, можно бы и здѣсь пустить въ ходъ то же *эр*, которое мы видѣли выше, тѣмъ болѣе, что глаголь съ окончаніемъ на *ра*, *рэ*, *ро* легко можетъ быть принятъ и за существительное. Но мнѣ припоминается, что и въ будущемъ татарскаго также участвуетъ буква *р*. Будемъ надѣяться, что другіе, при

большемъ вниманіи и напряженіи, объяснять двѣ, теперь необъясненные нами приставки *мэ* и *ра*.

Объ условномъ *чи* уже было говорено выше; думаю, что желательное *ки* также представляетъ только видоизмѣненіе этого корня. Приставку дѣепричастія прошедшаго *фи* я объясняю китайскимъ глаголомъ *би* окончить. Отрицаніе въ глаголахъ выражается чрезъ нарѣчіе *аку* нѣтъ, иногда опускающее, а иногда измѣняющее гласную *а*. Корнемъ этого отрицанія несомнѣнно надобно принять китайское *у* и въ своемъ языкѣ переимѣнившееся въ *бу* (монг. *буу*) и даже въ *мо* (маньчж. *умэ*, — монг. *битэгэй* изъ *бу*; о развитіи слога *и* будетъ говорено ниже). Ближайшимъ превращеніемъ этого слова мы полагаемъ турецкое *юкь* (укъ, изъ котораго вышло монг. *утэй*); изъ него ли, или же своимъ собственнымъ путемъ, образовалось маньчжурское *аку* (по образцу *акдунь* отъ *дунь*) это уже вопросъ второстепенный. Корнемъ китайскаго отрицанія *у* служить другое *у* погибнуть, убѣжать откуда въ маньчж. *укамби*, въ монг. *утэлэмби* (отсюда *утэлэдъ* — блѣтъ — блѣлецъ — известное названіе народа).

Вотъ въ главныхъ чертахъ почти вся этимологія не только маньчжурскаго, но и татарскаго и монгольскаго языковъ, потому что всѣ эти языки имѣютъ очень простую, пожалуй, назовемъ, бѣдную грамматику. Да, грамматику, потому что если вы скажете, что къ грамматикѣ, кромѣ этимологіи, принадлежитъ синтаксисъ, то я отвѣчу, что въ этомъ обзорѣи уже пройденъ и синтаксисъ. Какое главное отличіе этимологіи отъ синтаксиса? Первая разбираетъ видоизмѣненія словъ, вторая — отношенія словъ и предложений. Въ трехъ языкахъ въ этимологіи разбираются приставки, называемыя послѣрѣчіями или предлогами, въ синтаксисѣ должны разбираться союзы, посредствомъ которыхъ образуются различные виды предложений и періодовъ. Но, по крайней мѣрѣ, въ маньчжурскомъ языкѣ и всѣ періоды образуются только посредствомъ тѣхъ же существительныхъ или глагольных приставокъ. Какъ скоро въ предложеніи глаголъ ставится на концѣ, то какой бы формы ни былъ періодъ, онъ все-таки на концѣ первой половины пользуется этимологическими приставками (*й* описательный, *дэ* винословный, *бэ* уступительный, *мэ* соединительный, *чи* условный и т. п.). Другихъ союзовъ, можно сказать, нѣтъ, потому что періодъ условный, напимѣръ, начинающійся союзомъ *айка* — если, все же оканчивается въ первой половинѣ періода приставкой *чи*. Что синтаксисъ китайскій долженъ отличаться отъ синтаксиса среднеазиатскихъ языковъ, это выходитъ само собою; тамъ приставки не утратили своего

глагольного значенія, потому ставятся впереди и сзади, а это даетъ свободу рѣчи; тамъ количество приставокъ почти безконечно, а здѣсь — онѣ въ самомъ ограниченномъ числѣ.

Можно ли послѣ всего сказаннаго утверждать еще, что сродство канъчжурскаго языка съ китайскимъ случайное, что все это суть наши натяжки? Но вѣдь такимъ образомъ выходить (не говоря о частныхъ), что китайскій языкъ влился совсѣмъ въ другія формы, представляется языкомъ многосложнымъ, могъ преобразиться въ языкъ, который считается переходнымъ отъ моносиллабическихъ къ флексивнымъ? Мы готовы оставить и всѣ эти выводы въ сторонѣ; мы хотѣли только доказать, что и китайскій языкъ что-нибудь да значить въ общей филологической наукѣ. А между тѣмъ всѣ ученые филологи старались его обойти, исключить изъ среды науки. Не было ли это скорѣе шарлатанствомъ, которое хотѣло скрыть свое невѣжество голословнымъ указаніемъ, что китайскій языкъ не принадлежитъ-де къ области другихъ языковъ, и что о немъ не стоитъ говорить, другими словами: хотъ мы его и не знаемъ, но можемъ спокойно разсуждать объ общихъ законахъ языка. По моему же мнѣнію, можно разрабатывать частныя явленія извѣстнаго языка, его связь съ другими, тоже извѣстными, но толковать объ общихъ законахъ филологическихъ не возможно, не изучивъ свойствъ языка первообразнаго, не вознесясь къ понятіямъ о томъ, какъ долженъ былъ и могъ говорить человѣкъ на первыхъ порахъ развитія человѣческой рѣчи, а китайскій языкъ представляетъ богатые памятники слѣдовъ этой рѣчи. Только съ введеніемъ китайскаго языка въ кругъ общей филологіи и можно надѣяться рѣшить вопросъ—родственны ли такъ-называемые туранскіе языки арійскимъ, или, другими словами, есть ли тѣсная связь между санскритскимъ и китайскимъ. А я увѣренъ, что стоитъ только нѣсколько недѣль труда, чтобы доказать ихъ сродство. Я думаю, что необходимо обратить вниманіе и на другой вопросъ: прежде съ презрѣніемъ относились къ корнесловію, обращались больше къ грамматикѣ и синтаксису; я же указываю, что грамматическія и синтаксическія правила нельзя объяснять помимо корней.

Мнѣ кажется, гораздо страннѣе было бы не встрѣтить никакого сродства у средне-азіатскихъ языковъ съ китайскимъ, чѣмъ встрѣтить даже полное родство. Мы знаемъ, что Римляне въ нѣсколько вѣковъ своего владычества успѣли пустить корни своего языка въ Испаніи, Англіи, Франціи, что Арабы навязали свой языкъ всѣмъ магометанамъ. Какимъ же образомъ связь Китая съ Среднею Азіей,

извѣстная уже исторически въ продолженіи слишкомъ двухъ тысячъ лѣтъ, могла остаться безслѣдною? Китайцы то управляли Среднею Азіей, то были управляемы ея обитателями; Китайцы то были уводимы въ плѣнъ, то переселялись добровольно. И вдругъ хотѣть, чтобы здѣсь не было ничего общаго, даже между языками!

Исторію столкновенія Китая съ Среднею Азіей нельзя начинать только съ образованія въ концѣ III вѣка до Р. Хр. могущественной Хуннской династіи. Какъ только началась исторія Китая, такъ начались и эти столкновенія. Если мы не можемъ опредѣлить ни точныхъ границъ, ни существеннаго различія между Жунами и Ди, облежавшими съ запада и сѣвера вновь образовавшееся государство, которое собственно (а не народъ) и надобно называть Китайскимъ, то мы не можемъ, точно также, сказать, въ чемъ состояло различіе собственно китайскихъ подданныхъ отъ этихъ Жуновъ и Ди. Не были ли сами эти Жуны и Ди ихъ же повелителями такъ и названы въ отличіе отъ своихъ? Вѣдь ядро Китайскаго государства было самое небольшое; оно образовалось около юго-восточнаго изгиба Хаунъ-хэ, и начало вдоль этой рѣки поработать туземцевъ; развѣ можно заключить изъ этого, что честолюбивый и сильный владѣтель этого ядра былъ непременно чужакомъ другого племени? Здѣсь являются два предположенія, общія для всей древней человѣческой жизни: или вторженіе чужаго элемента, который сталъ осиливать туземный, или образованіе изъ туземнаго чего-то небывалаго, деспотическаго. Первое предположеніе приведетъ насъ только къ тому выводу, что была еще болѣе древняя, чѣмъ предполагаемъ, жизнь народовъ. Они уже развились, получили прочную самостоятельность, каждый народъ говоритъ своимъ языкомъ, и вотъ одинъ изъ этихъ народовъ направляется на востокъ и завоевываетъ тамошнихъ обитателей... Другое предположеніе—болѣе человѣческое: и древнѣйшіе люди должны были жить по общимъ человѣческимъ началамъ и законамъ, отличаясь другъ отъ друга только по требованію мѣстности. У нихъ долженъ былъ быть одинъ главный образъ жизни, потому что хотя природа и разнообразна, но челоѣку въ отношеніи къ ней надобно было прибѣгнуть къ одной общей мѣрѣ—къ борьбѣ, къ изысканію средствъ для побѣды. Точно также и въ отношеніи языковъ: повсюду челоѣкъ долженъ былъ создать одинаковыя звуки, назвать сильное сильнымъ, мягкое мягкимъ. Въ этой первоначальной жизни челоѣчества и учрежденія, и языки на всемъ земномъ шарѣ должны представляться родственными, но съ извѣстными отличіями: сосѣди народовъ востока

сами сосѣди запада, имена Нюа и Сима равно извѣстны, какъ на берегахъ Нила и Тигра, такъ и на берегахъ Хуань-хэ и Цзяна.

И вотъ на берегахъ Нила и Тигра, равно какъ у водъ Хуань-хэ и Цзяна является новая общественная форма—государство. Люди соединяются съ другими, чтобы поработать или отражать порабощеніе. Начинается движеніе народовъ, тогда какъ доселѣ былъ на землѣ только человекъ. Если отъ Западнаго до Восточнаго океана не было доселѣ родства, то я охотно допускаю, что зародышъ китайской націи пришелъ съ запада, по моему мнѣнію, всегда и во всемъ преобладающаго надъ востокомъ. Но не лучше ли допустить, что прежде борьбы было единство? Предположимъ, напримѣръ, что корни китайскаго языка тѣ же, что арійскіе. Надобно ли изъ этого заключить, что китайская нація произошла нѣкогда побѣдоносно отъ запада на востокъ, заставила аборигеновъ послѣдняго принять свой языкъ, или она пришла вмѣстѣ съ праотцами, которыхъ мы называемъ Турками, Монголами и Маньчжурами? Я думаю, что лучше всего допустить не насиліе, а родство.

Итакъ, въ первоначальной исторіи отдаленнаго востока, не лучше ли видѣть не борьбу народовъ съ народами, а борьбу новаго строя, который мы называемъ государствомъ, со старымъ порядкомъ человѣческихъ обществъ? Но въ такомъ случаѣ, опираясь на указанія нами отношенія языка китайскаго къ средне-азіатскимъ, мы должны допустить, что и все относящееся къ этому строю заимствовано отъ того ядра, которое его усвоивало и развивало, что вся политическая терминологія, даже въ самомъ противодѣйствіи, должна была заимствоваться изъ одного языка. Не видимъ ли мы, что только послѣ того, какъ Китайское государство соединилось въ первый разъ, является и противодѣйствующее государство Хунновъ? Но оно не могло отличаться никакимъ своеобразіемъ и должно было соображаться съ своимъ антагонистомъ. Новый строй долженъ былъ, неминусомо, осилить, и отсюда началось вліяніе Китая, далеко занесенное на западъ за долго до владычества Татаръ.

Посмотримъ, что намъ скажетъ на это исторія.

Мы здѣсь коснемся только того, что всего ближе относится къ нашей статьѣ, и даже въ подтвержденіе ея, хотя съ своей стороны, и писали ее именно для удостовѣренія въ нашемъ объясненіи нѣсколькихъ собственныхъ именъ, встрѣчаемыхъ въ древней средне-азіатской исторіи. Начнемъ, однакожъ, припоминаемъ о томъ, что уже

было нами высказано въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Первымъ намекомъ мнѣ на присутствіе китайскихъ словъ въ собственныхъ именахъ лицъ и народовъ Средней Азіи послужили слова Мэнъ Хунъ'а, что, по нѣкоторымъ, названіе Чингисхана было изуродованное китайское Тянь-цы — пожалованный небомъ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда могло взяться слово Чингисъ? На языкахъ средне-азиатскихъ оно ничего не значитъ (даже извѣстное *динисъ* происходитъ отъ китайскаго тинъ-цзы — болото, озеро). Оно и не собственное имя, которое было Тэмучжинъ; но когда оно явилось? Только на хуритаѣ, то-есть, сеймѣ, на которомъ этотъ Тэмучинъ былъ провозглашенъ императоромъ — хаганомъ. Но кто внушилъ даже самую мысль о такомъ провозглашеніи? Безъ сомнѣнія, перебѣжавшіе Кидане окитаившіеся; потому что только у Китайцевъ и есть обычай, съ восшествіемъ на престолъ, съ принятіемъ императорскаго титула, давать будущей эрѣ своихъ годовъ правленія характеристическое названіе. Эта эра и нынѣ у Монголовъ (какъ и въ Европѣ) всегда принимается за имя самого императора. Такое имя: Тянь-минъ (небомъ повелѣнный) принялъ и первый маньчжурскій императоръ, а Тянь-дэ (небесныя доблести) извѣстный предводитель тайпинговъ Хунъ-сю-цзанъ. Какимъ же образомъ однако Монголы такъ могли исказить китайское слово? Но на это отвѣтъ ясный: монгольскій языкъ не имѣетъ словъ на тянь и не способенъ къ ихъ произношенію; не способенъ къ этому и другіе средне-азиатскіе языки; мы видимъ, что въ самый китайскій языкъ еще не позже четвертаго вѣка нашей эры вошло санскритское слово *ділма* (созерцаніе) въ искаженной формѣ *чанъ*, не по тому, чтобы китайскій языкъ не былъ способенъ къ передачѣ этихъ звуковъ, но потому, вѣроятно, что приходившіе съ запада проповѣдники буддизма или сами принадлежали къ среднеазиатцамъ, или употребляли изъ нихъ переводчиковъ. Итакъ, тянь легко могло исказиться въ чанъ, а отсюда въ чинъ; что же касается до окончанія *исъ* или *исъ* (потому что : можно отнести къ предъидущему *н*), то мы уже упомянули выше, что приставка *ци* (эцэ) въ монгольскомъ произносится какъ *эсэ*.

Это искаженіе слова Тянь-цы въ Чингисъ переносить насъ къ болѣе отдаленному и не менѣе знаменитому названію Хунскихъ государей Чанъ-юй'-ями, какъ они названы въ извѣстной исторіи Туңъ-цзянь-ганъ-му на маньчжурскомъ языкѣ, а не Шанъ-юй, какъ читаютъ

¹⁾ См. мое сочиненіе: «Исторія и древности восточной части Средней Азіи» въ *Трудахъ Восточнаго отдѣленія Археологическаго Общества*.

европейцы на основаніи предлагаемыхъ китайскими лексиконами чтеній. Іероглифъ, которымъ передается слово чань или шань имѣетъ главное чтеніе дань и тань, и потому нельзя сказать навѣрное—кто правъ; но какъ бы мы ни читали его, напрасно стали бы отыскивать въ извѣстныхъ намъ средне-азиатскихъ языкахъ значеніе этого слова, хоть бы сколько-нибудь подходящее. Но это значеніе ясно и положительно опредѣлено тѣми же китайскими исторіями. Оно должно значить то же, что и китайскія: тьянь-цзы—сынъ неба, титулъ, даваемый китайскимъ императорамъ; при этомъ у китайскихъ писателей прибавлено, что собственно сынъ неба на хунскомъ языкѣ называется чэнь (тэнь) ки (ци)-ли хуту (монг. слова тэнгри инъ кубу), то-есть, китайская исторія какъ бы въ ротъ кладетъ, что Чань-юй есть только искаженіе китайскаго слова тьянь-цзы. Мы уже указали выше, при объясненіи слова чжань-инъ, что Китайцы вовсе не такіе филологи, чтобы узнавать свои слова въ искаженіи на другихъ языкахъ, особенно, когда они написаны другими іероглифами. Для нихъ достаточно одной перемены или ошибки въ звукѣ, чтобы не узнать настоящаго происхожденія своего слова. Для того же, чтобы объяснить искаженіе тьянь въ чань не стоитъ труда послѣ сказаннаго выше; это искаженіе еще легче, чѣмъ въ словѣ Чингисъ. Еще ближе къ чтенію *мань* произношеніе *дань* или *тань*; если можно недоумѣвать надъ чтеніемъ *шань*, то напомнить, что самое слово тьянь—небо, въ китайскомъ названіи Индіи (тьянь чжу) читается Шань (ду).

Слѣдовательно, остается только объяснить, какимъ образомъ слово *цзы*—сынъ перешло въ *юй*?

Нѣкоторые предполагаютъ, что іероглифъ *юй* самъ по себѣ могъ исказиться изъ *цзы*, такъ какъ начертаніе ихъ очень сходно. Но и безъ этой догадки, приводящей къ вопросу: почему же слово *чань* пишется не какъ тьянь, филологическія сличенія даютъ возможность объяснить такой переходъ. Мы видѣли выше, что китайское *цзы* въ маньчжурскомъ перешло въ *цзюй*, и что это слово вошло, должно быть, въ древнее время, потому что нынѣ всѣ китайскіе звуки съ *цз* переходятъ въ маньчжурское въ *с*. Можетъ-быть, *цзюй* въ древнее время вошло и не въ одинъ маньчжурскій языкъ, или кто знаетъ, какъ далеко на западъ простиралось маньчжурское племя. Движеніе Тугухунцевъ (дуюхунъ) на западъ могло быть и не первое. Что касается до измѣненія *цзюй* въ *юй*, то это всякому, мало-мальски знающему средне-азиатскіе языки, не покажется страннымъ: *юзъ* и *чэузъ*—сотня, *илъ* и *чэилъ*—годъ и т. п.; въ татарскомъ языкѣ сынъ значить *утулъ*, но есть ли

уль наростокъ въ родѣ монгольскаго *голъ* въ словѣ Боголь, какъ увидимъ ниже? Китайскій же іероглифъ *юй* могъ читаться въ древности *у*, какъ и читаютъ его по нынѣ Японцы.

Но при этомъ невольно наворачивается уже сейчасъ приведенное слово *тэнгри* — небо. Что это слово, употреблявшееся нѣкогда въ турецкомъ, а нынѣ сохранившееся главнымъ образомъ въ монгольскомъ, даже и съ эпитетомъ синее, вышло изъ китайскаго языка — изъ *тянь*, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія¹⁾. Только одни Китайцы всегда разумѣли подъ небомъ божественную силу („небо, погубило меня!“, сказано въ Шу-цзинѣ). Но является вопросъ: какимъ же образомъ, если въ Чанъ-юй въ Чингисъ туземцы не могли выговорить *тянь*, оно близко къ выговору въ *тэнгри* (но и здѣсь съ твердымъ *н*, какъ въ Чингисѣ)?

Мы видѣли выше, что *тэнгри* читалось *чанъ-ли*, и потому думаемъ, что это восстановление его, на все же не въ формѣ *тянь*, а въ формѣ *танъ*, случилось или въ другое время; или возникло первоначально не въ той явнѣ, въ которомъ *танъ* превратилось въ *чанъ* и *чинъ*.

Если послѣднее вѣроятно, то можетъ быть, и здѣсь мы имѣемъ прядь собой маньчжурскаго языка, который имѣетъ много словъ, начинающихся съ *танъ* съ свойственнымъ ему окончаніемъ *ри*.

Нынѣ этого слова нѣтъ въ маньчжурскомъ языкѣ. Оно замѣнено словомъ *абха*, которое напоминаетъ тибетское *намха*. Тибетцы, подъ именемъ Тангутовъ, долгое время были сосѣдями Киданей. Живя въ Ордосѣ, знакома съ буддизмомъ восточныя племена, они могли ввести у нихъ и перемѣну названій неба (*абха* звучитъ и въ имени перваго киданьскаго государя Абба-цзи, изъ котораго передѣляли Амбагиян; скорѣе это Абхай-цзюй — сынъ неба), какъ ввели у нихъ слово *Тойнъ*. *Тойнъ* не есть уйгурское слово, если разумѣть подъ ними говорящихъ турецкимъ языкомъ; это чисто тибетское слово *той* — переводъ санскритскаго *шравака* (исваженное въ монгольскомъ въ *хуварака*) — слушатели, то-есть, ученики и послѣдователи Будды.

Впрочемъ, можно допустить, что въ окончаніи *ри* въ словѣ *тэнгри* скрывается или кит. *ди* — земля, которое всегда ставится съ *танъ*, когда должно означать творческую силу, или же: *чжи* — духъ земли, которому поклоняются.

¹⁾ Въ монгольскомъ для означенія неба, кромѣ *тэнгри*, имѣется еще слово *октаргой*. Тутъ нельзя не узнать видоизмѣненія *кужъ* *тэнгри*, то-есть, *кужъ* *тэнгри* — синее небо.

Название *чанъ-юй* сдѣляется въ исторіи ~~хана~~ *хань*, сократившимся послѣ въ ханъ. Если бы даже и вздумалось кому выдавать за достоярное, что хаганъ занесено жидовствовавшими Казарами изъ еврейскаго языка, то и тогда оно не могло бы быть принято средне-азиатскими народами иначе, какъ по сходству звуковъ со словомъ, которое было извѣстно всякому Азіатцу въ смыслѣ императора. Какое же это слово, какъ не китайское Хуанъ или Хуанъ-ди — Богдоханъ — императоръ, извѣстное, по крайней мѣрѣ, со временъ Цинъ-ши-Хуанъ-ди?

Я уже замѣтилъ выше, что, часто имѣя дѣло съ монгольскимъ языкомъ, я вовсе не обращалъ вниманія на его корни: они такъ и казались монгольскими. Теперь, когда мнѣ понадобилось въ монгольскомъ языкѣ открыть подтвержденіе своего производства, то перебирая только въ своей памяти (а вѣдь слѣдовало бы дерзнуть весь лексиконъ) извѣстныя слова, я открылъ въ нихъ, и то, лишь для данного случая, множество китайскихъ корней. И если я полагаю характеристикой маньчжурскаго языка прибавку *р* съ гласными, то на этотъ разъ характеристикой (можетъ-быть, найдутся и другіе признаки) монгольскаго языка считаю способность его развивать китайскіе корни приставочнымъ складомъ, состоящимъ изъ согласной : (*л*, *х*) съ соотвѣтствующею гласною, которая въ разговорѣ поглощаетъ ея гласную. Если мы видѣли *ди* младшій братъ, въ маньчжурскомъ языкѣ, какъ *дэо*, то въ монгольскомъ языкѣ онъ пишется уже *дачуу* (читай дуу). Такимъ образомъ изъ батуру вышло багатуръ, багадуръ (монг. слова: намуру осень, хабуру весна, дзуръ день и проч., представляются составными съ маньчжурскимъ эринъ, слѣдовательно, это окончаніе на *р* есть уже болѣе позднѣе чѣмъ маньчжурское на *ру*. Замѣтимъ кстати, что монг. цзунъ (чжунъ) дѣло — происходитъ тоже отъ маньчж. чжувэри — съ отбросеніемъ совсѣмъ эринъ). Такимъ образомъ отъ китайскихъ корней образовались: цзэгуиъ (цзунъ): лѣвый (кит. цзо), сагу сиди кит. цзо, нигу скрывать кит. ни, бо-гоху связывать кит. бао (отсюда — богаты — рабы, связанные), си гуху (чит. шигуху) судить кит. си, тогодъ телепохъ кит. ду, тогоганъ, котель кит. тѣ-го, тохомъ выюхъ кит. то и т. д. Я думаю, всего поразительнѣе по этимъ примѣрамъ будетъ происхожденіе монг. чага-цагай отъ кит. си-цзо сорока. Новое монг. слово чагаца законъ есть превращеніе изъ цэ изы — тетради, содержащія уложеніе. Извѣстное русско-монгольское малагай, перешибенное (Verschieben) изъ маньчжурскаго махала имѣетъ своимъ корнемъ китайское *мало* шапка.

Но самымъ большимъ подтвержденіемъ происхожденія слова *ха-*

ганъ изъ кит. хуанъ свѣтъ, можетъ служить совершенно по той же формѣ образовавшееся монг. гэгэнъ—свѣтлый изъ кит. туанъ свѣтъ. Здѣсь присутствіе твердой буквы : потребовало въ монгольскомъ только соответственнаго измѣненія гласной *a* въ *э*.

Сколько еще труда предстоитъ для будущей разработки средне-азіатской филологіи! Такъ, напримѣръ, обыкновенно слышимыя монгольскія слова — чисунъ кровь, часунъ снѣгъ, чилу камень, чино волкъ кажется, нисколько не вяжутся съ китайскими *сэ, сюэ, ши,* а между тѣмъ въ хоринскомъ нарѣчій монгольскаго языка эти слова произносятся: шихунъ, шахунъ, шилунъ, что указываетъ на китайскіе корни.

Извѣстны мои выводы о происхожденіи названій Монголовъ и Маньчжуровъ изъ китайскихъ словъ мэнъ-гу (получить старое) и манъ-чжоу (полная область). Мнѣ удалось также указать, что названіе Монголь принято для своей династіи Чингисханомъ не въ 1208 году, когда онъ былъ провозглашенъ главой сѣйма—хаганомъ, а только въ 1211 г. Средне-азіатскіе народы не имѣютъ общаго названія для всего племени, и потому это общее названіе является какъ государственный терминъ только тогда, когда у нихъ является сильный императоръ. Если какъ это титло, такъ и названіе годовъ правленія, заимствовано отъ Китайцевъ, то можно ли еще сомнѣваться, что не отъ нихъ же заимствована мысль дать какое-нибудь общее названіе всѣмъ, соединеннымъ въ одно государственное тѣло, народамъ. Это названіе и выражается въ названіи династій. Названіе Монголь было сначала собственно не названіе народа, а именно династіи; въ арміи Чингисхана, шедшей на западъ, конечно были и Татары, и Маньчжуры, и Китайцы, и Туркестанцы, но всѣмъ имъ общее имя было Монголь, то-есть, первоначально монгу (какъ и теперь въ маньчжурскомъ), какъ нынѣ Дайчинъ.

Я указалъ также, что старое названіе Маньчжуровъ Чжурчженями (какъ не стыдно и послѣ того писать Ниучи, Нючи, Нючжэнь!) было навязано Китайцами, отирившими въ своихъ книгахъ, что въ древности въ маньчжурскихъ странахъ гдѣ-то жилъ народъ Су-шэнь, употреблявшій каменные наконечники на стрѣлахъ (а это употребленіе едва-ли не продолжается еще и нынѣ). Болѣе древнее названіе Маньчжуровъ было: Мо-хэ и Фу-юй. Въ первомъ словѣ, несмотря на производство китайскаго императора отъ Мэйхэ—змѣя, а скорѣе наклоненъ видѣть мукъ кит. хэ вода, рѣка, такъ какъ Мо-хэскіе роды носили различныя названія по рѣкамъ, по которымъ они жили,

а въ лѣсной Маньчжуріи и можно было жить только по рѣкамъ. Китайцы, слыша отъ каждаго изъ нихъ окончаніе Мукэ, и прозвали ихъ общимъ именемъ Мохэсцевъ — рѣчныхъ. Слово Фу-юй должно быть искаженіе нынѣшняго боэ — тѣло, и самъ (кит. вэй), въ смыслѣ чужбика, какъ называютъ себя и нынѣ Тунгусы. Названіе боэ сохранилось въ извѣстномъ Бокрѣ-норѣ, которое въ древности называлось Фулюйскимъ, и около него то образовалось Фулюйское царство; послѣ, довольно далеко подавшееся на югъ.

Къ мохэскимъ родамъ принадлежали и Шивейцы, которые, живя на западъ и сѣверо-западъ отъ Маньчжуровъ, далеко простирались, какъ видно изъ моей исторіи, въ глубь нынѣшней Монголіи и Сибири. Не отъ нихъ ли происходитъ и названіе послѣдней? Но едва ли въ настоящее время это не такъже преждевременно доказывать, какъ и сходство названія нашей Тули съ рѣкой Тола, впадающей въ Орхонъ, на которой стоялъ Каракорумъ. Однакожь, что бы ни говорили, а слово Сибирь звучитъ по китайски. Нынѣ для Туркестана и Цзингаріи у Китайцевъ введено одно общее официальное названіе — Синь-цзянь — новая граница, новая линія. Что мудренаго, еслибы оно сдѣлалось извѣстнымъ и у Монголовъ, Маньчжуровъ и Туркестанцевъ. Эти же мѣста еще до начала нашей эры извѣстны были у Китайцевъ подъ именемъ Си-юй, вотъ уже и есть начало для перваго слота Сибири; но юй (тиб. юл) однородно съ турецкимъ *ир* земля, и для того, чтобъ избѣжать двухъ гласныхъ и вмѣстѣ, между ними вставили *с*, превратившееся въ *б* и отсюда въ бирь. Но въ китайскомъ есть еще другое слово — *би* захолустье, окраина; и Сибирь легко могла значить западное захолустье; для Китайцевъ Юаньской династіи такова и была наша Сибирь.

Но обратимся въ *Шивэй-янгъ*. Ихъ названіе понынѣ сохранилось въ названіи народа *Сибэ* маньчжурскаго племени, находившагося до основанія нынѣшней маньчжурской династіи подъ властью Монголовъ; часть ихъ послѣ переведена была даже въ новую линію и убѣжала недавно къ намъ изъ Кульджи. Эти Шивэй, какъ говоритъ исторія, были потомки болѣе древнихъ Сянь-бийцевъ, удалившихся отъ притѣсненій Хунновъ въ горы. Откуда же произошла разница ихъ имени? Но звукъ *сянь* однороденъ въ китайскомъ съ *си*, *вэй* же и *би* не представляютъ никакого затрудненія. И опять, даже самое названіе *Шивэй* не дано ли было Китаичами, какъ общее по воспоминанію о Сяньбійцахъ, подобно тому, какъ они вспомнили еще позже о Су-шэняхъ, и подобно тому, какъ слово Чжурчженъ пере-

давалось другими іероглифами (Су-шань), стали писать, отличне и Шивай, отъ Саньби; Слово шива, шибъ и нынѣ въ монгольскомъ языкѣ значить крѣпость; если такъ, то первоначально названіе Шибъ давалось людямъ крѣпостей для Маньчжуровъ это не рѣдкость; есть маньчжурскія слова; сибъ — ватчина, сибсиби — ватчина. Но если приписывать въ китайскомъ, то являются слова *ши камень, шай охру-жать*. Не значить ли монгольское *шиса* каменная ограда? О Сань-бийцахъ говорится, что они удалились въ горы, отъ Хунновъ и тамъ укрѣпились; въ восточной Сибири должны были быть также крѣпости; въ исторіи дома Тоба, происходяго отсюда, ясно говорится объ этомъ. Поднимаемся въ еще болѣе отдаленную древность и предъ Фу-юй и Мо-хэсэки мы встречаемъ въ Маньчжуріи народы *Ву-чзи* и *И-лоу*, обозначаемыхъ еще общимъ именемъ Дунъ-ху; раньше ихъ, кромѣ историческихъ, Сушаней, мы уже никого не знаемъ. Слово *Ву-чзи* легко узнать въ нынѣшнемъ маньчжурскомъ. Ва-цзи — лѣсистая мѣстность, и по описанію ясно видно, что народъ жилъ въ лѣсахъ. Еще позднѣе, только другими іероглифами, писали царство Боцаи, участвовавшее въ просвѣщеніи, а отчасти и въ населеніи Японіи. Только Японцы слово Боцаи читаютъ Кудари, и странная, вещь, недалеко отъ Кяхты есть и теперь поселеніе и крѣпость Кудара; вотъ какъ далеко занесены и какъ долго сохранились маньчжурскія названія. Но вѣдь и самая Селенга есть маньчжурское слово: селюна, роса. (Енисей, не татарское ли Янги-су — новая рѣка, что показываетъ, что Турки пришли сюда послѣ; названіе камъ значить на корейскомъ языкѣ — золото, а Корейцы пришли съ сѣвера).

Для насъ болѣе интересно названіе *И-лоу*. Объ этомъ народѣ говорятъ, что онъ жилъ въ ямахъ и содержалъ свиней. И донинѣ въ маньчжурскомъ языкѣ сохранились слова: *и-лу* пещера и *и-лу* большой борозъ; следовательно, для объясненія слова *И-лоу* нѣтъ затрудненія. Но мы думаемъ, что объясненіе *И-лоу* черезъ *и-лу* свиней болѣе замѣчательно. Известно, что маньчжурскіе лѣса, богатые дубомъ, весьма удобны для разведенія свиней; и теперь ихъ съ береговъ Амура возятъ въ Пекинъ. Свиньи всего хуже могутъ быть разводимы въ степяхъ; едва-ли онѣ были въ большомъ количествѣ и въ осѣдломъ Туркестанѣ до принятія имъ магометанства. А какое первое общее названіе Маньчжуровъ встрѣчаемъ мы у Китайцевъ: Дунъ-ху, то-есть, восточные ху! Не отсюда ли, съ одной стороны, произошло названіе Тунгусовъ, и съ другой, въ тунгускихъ языкахъ названіе свиньи словомъ дунгувъ?

Но что значитъ китайское: дунъ ху? восточное ху. Что же значить это ху? Есть ли оно чисто китайское слово, даваемое инородцамъ, какъ принято было постѣ, и даже исключительно западнымъ, или само появившеся въ языкѣ съ именемъ народа, близко подходящимъ къ ху? ¹⁾

Въ послѣднемъ слѣдуетъ указывать намъ на Уйгуровъ, въ имени которыхъ можно было бы видѣть родственное ху, тибетское хоръ. Но едва-ли и послѣднее появилось еще не позже названія Уйгуровъ; и почему хоръ не обязано своимъ происхожденіемъ ху, такъ какъ китайскія слова весьма легко могутъ явиться въ другихъ языкахъ съ омониміями на р, л, о и т. п. Но въ происхожденіи ху отъ имени Хунновъ нѣчто и сомнѣваться: уже у Сыма-цяня фразы ху'скія, слова ху'скія, обихая относятся исключительно къ Хуннамъ. Слѣдовательно, исторія поверитъ намъ ясно, что и восточные ху не были далеко отъ Хунновъ, можетъ-быть, и по языку. Уклоненіе Сяньбійцевъ, Ухуаней не обновляетъ еще разницы въ племена. Оттого-то, съ паденіемъ Хунновъ, на ихъ земляхъ появляются Шивэйскіе, то-есть, Маньчжурскіе народы.

Замѣтить, что Китайцы, назвавъ Маньчжуровъ Дунъ-ху, нигдѣ

¹⁾ Нельзя не обратить вниманія на странную аналогію. Греки называли всѣхъ инородцевъ варварами, Китайцы же—ху; если слово варваръ происходитъ отъ греческаго *βαρβαρίω*, говорю вздорно, то и по китайски выходить то же—(ху-шо); Русскіе всѣхъ говорящихъ не по русски называютъ Нѣмцами, а Индѣйцы—уттарагору, что, по тибетскому переводу, значить неслышимый звукъ, непонятный или непріятный голосъ. Если изъ латинскаго *barba* вышло бы, что подъ именемъ варваровъ разумѣли бородатыхъ, а такими бородатыми, какъ нарочно, представляются Персы на древнихъ памятникахъ, то и въ китайскомъ ху значить также борода. Но слово Парсы едва-ли не значило тигровъ, въ монгольскомъ барсъ; Персы, извѣстные подъ именемъ Тачжиковъ, въ тибетскомъ называются Дакъ-сикъ, что значить также тигръ и барсъ. Затѣмъ и въ китайскомъ языкѣ ху значить также тигръ. Что за странное совпаденіе! И потому, именно это значило бы, что Китайцы, сами безбородые, назвали бородатыми тѣхъ соседей, которые дѣйствительно отличались этимъ качествомъ. Нынѣ мы этого не видимъ. Но кто знаетъ, не распространилось ли нѣкогда гораздо далѣе на востокъ бородатое племя, и не обезобразила ли его китайскія примѣсь, какъ она обезобразила и сосѣдніе языки?

По исторіи мы знаемъ одно, что еще около VI столѣтія нашей эры, на западъ отъ Хотана жили все народы съ вдернутыми носами и впалыми глазами. Не простиралось ли въ прежнее время это иранское племя далѣе на востокъ. Не переселила ли его китайская раса, ошибочно называемая (пора бы это названіе бросить) монгольской, какъ она осилила и языкъ?

не упоминаютъ ни о западныхъ, ни о сѣверныхъ *ху*, а всѣхъ прочихъ называютъ просто *ху*.

Но вотъ что замѣчательно. Пробѣгая названія маньчжурскихъ народовъ, мы могли, думаю, безъ большой натяжки объяснить эти названія съ помощью или маньчжурскаго, или китайскаго языка. Что маньчжурскій языкъ существовалъ около нашей эры, мы могли указать на томъ основаніи, что съ того времени до нынѣ сохранились еще хотя нѣкоторые слова. Но что мы можемъ сказать о другихъ народахъ? Какимъ языкомъ мы объяснимъ, напримѣръ, названіе Жужаней? Ни въ одномъ, взятомъ нами, средне-азиатскомъ языкѣ (кроме китайскаго), нѣтъ буквы *ж*, а тутъ ихъ даже двѣ. На бѣду оказывается, что европейскіе синологи сдѣлали важный промахъ, прочитавъ названіе этого народа *Юэ-чжи*, тогда какъ (если вѣрить тѣмъ же Китайцамъ, которые велѣтъ читать Шаньюй, а не Чаньюй) это имя надобно читать *Жюу-чжи*, и такимъ образомъ, погибаютъ всѣ выводы, которые quasi-ученные, обрабатывающіе исторію народовъ, о языкѣ которыхъ они вовсе не имѣютъ понятія, сдѣлали изъ этого названія ¹⁾.

Какъ бы то ни было, постараемся припомнить нѣкоторые соображенія, кои приходили намъ на умъ при чтеніи китайскихъ ис-

¹⁾ Надобно замѣтить, что іероглифъ *жоу*, сходный по начертанію съ *юэ*, не употребляется нынѣ въ этой формѣ; есть еще также сходные іероглифы, читаемые *мао* — шапка, *чжоу* — лодка (Чжоучжи—Чжучжи? у западныхъ жителей Чжучжи и Мачжучжи?). Но дѣло не въ томъ, какъ назывался народъ; а какое отношеніе могъ онъ имѣть къ Китаю, для чего такъ увердно онъ его отыскиваетъ, старается заманить на свои границы, чтобы бороться противъ Хунновъ; если это были кочевники, занимавшіе незначительное пространство степей, на которыхъ мы нынѣ видимъ едва известный аймакъ Эчжинэ Тургутовъ (такъ-называемыхъ по р. Эчжинэ, которая напоминаетъ имя Юсжи и послѣ, можетъ-быть, перенесено на Эчжилъ—Волга), то какую большую пользу могъ бы онъ принести, если бы и воротился на старыя мѣста. Такой ничтожный, побѣжденный уже разъ народъ не могъ представлять большаго интереса. Но если мы предположимъ, что до Китая могла дойти слава Грековъ (а какъ бы написали Китайцы это слово? не Юс-чи ли?), прославившихся побѣдами и высокимъ образованіемъ, проникавшихъ тоже въ Туркестанъ, то мы поймемъ это искательство Китайцевъ. Какъ ни стараются китайскіе писатели, оскорбленные мыслью, что гдѣ-нибудь было болѣе высокое чѣмъ въ Китаѣ образованіе, скрыть вліяніе запада; оно было несомнѣнно велико. При тогдашнемъ китайскомъ дворѣ только и говорили что о вновь открытыхъ странахъ, сейчасъ оттуда ввели особый небывалый культъ поклоненія кумирамъ, заимствовали, вмѣстѣ съ произведеніями, различныя игры, внесли многочисленныя легенды, даже узнали о гесперидскихъ садахъ. Самъ императоръ У-ди одѣвался по инородчески. Ужели все это была принадлежностью кочеваго народа?

точнѣе о народахъ Средней Азіи. Слово *Сюн-ну* или *Хунь-ну*, положимъ, изуродовано по китайски, но оно должно было выработаться изъ имени самаго народа, — потому что, по всей вѣроятности образовалось изъ болѣе древнихъ *Сянъ* (*Хянъ*, *Хи*) юнь-ей. Но почему до сихъ поръ не обратили вниманія, что въ монгольскомъ языкѣ поименнѣе человѣкъ называется *Хунъ*, положимъ, хотъ и сокращенно изъ *кумунъ* (*кумони*, *кумане*, *кумохи*). Мы не хотимъ этимъ сказать, что *Хунны* говорили монгольскимъ языкомъ, потому что названіе человѣка могло остаться въ чужомъ языкѣ по великому значенію народа въ свое время, и что всякій могъ считать себѣ за честь называться *Хунномъ*, какъ нѣкогда на западѣ *Римляниномъ*. Если къ этому названію *Хунъ* прибавить вышеупомянутое *Чанъ-ли* (*тэн-гри*) *куту*, и принять *куту* за ошибочное *кубу*, что по монгольски значить сынъ, то мы имѣемъ болѣе возможности заключать въ пользу монгольскаго языка, чѣмъ сколько даетъ странное чтеніе о *Іоакимѣ* названія хунскаго хана *Мочу* или *Meté* черезъ *Модонъ* (что хотя по монгольски и значить дерево, но самое слово *Модонъ* есть видоизмѣненное китайское *му-тоу* — дерево). Въ названіяхъ другихъ государей, да и не однихъ *Чанъ-юевъ*, но и князей, хагановъ и прочихъ, мы не можемъ никакъ положительно сказать монгольскія-ли то, или турецкія, или маньчжурскія слова. Знаменитое *Жоди*, въ которомъ *Клапротъ* хотѣлъ видѣть татарское *якши*, есть, несомнѣнно, китайское слово *сяо-ди* — сыновняя почтительность и братская любовь, какъ сама же китайская исторія говоритъ объ этомъ. Съ натяжкою, пожалуй, *Лао-шанъ Чанъ-юй* можно произвести въ *Тибетца Ловзана*, или *Ша-болю Кагана* въ *Сапора*, но вѣдь съ натяжкою точно также изъ *Тумана* можно сдѣлать *Тимона* и изъ *Мэтэ* — *Дмитрія*, изъ *Лаошаня* — *Александра*. Вообще же собственныя имена, если бы мы и открыли ихъ значеніе, не могутъ еще обозначать языка тѣхъ людей, которые назывались этими именами. Европейцы заимствовали свои имена отъ Грековъ и Римлянъ; Монголы нынѣ почти всѣ также носятъ тибетскія имена.

Отъ хунскаго языка намъ остался единственный памятникъ въ фразѣ: *сю чжи тилей гянъ*, *Пугу тугоуданъ*, что должно значить: войско выйдетъ, *Пугу* будетъ скваченъ. Когда въ 328 году *Шилэ* хотѣлъ начать войну съ *Ши-ѣ*, званіе котораго на хунскомъ языкѣ было *Пугу* (оно сохранилось и позже, встрѣчается и у *Уйгуровъ*: *Пугу* — *Хуай Энъ*), то *Футучэнъ*, покровительствуемый *Шилэ*, прослышалъ въ звукахъ колокольчиковъ, висѣвшихъ на кумирѣ, эту фразу.

Какъ ни звучитъ эта фраза по турецки двумя своими окончаніями на *имъ* (сроднымъ съ тибетскимъ) и *данъ*, однако она никакъ не поддается и глубокимъ знатокамъ турецкаго языка, къ которымъ я обращался. Пусть поищутъ ея объясненія въ языкахъ финскихъ или венгерскомъ: это было бы драгоценное подтвержденіе историческихъ догадокъ о движеніи народовъ съ востока на западъ. Но пока мы позволяемъ себѣ и въ этой фразѣ видѣть ломаный китайскій языкъ: сю чжи войско, не есть ли кит. *шу ци* — нѣсколько, много всадниковъ, конница (*ци* слышится въ нынѣшнемъ монгольскомъ названіи войска: *цирикъ*), ти лэй — не есть ли кит. *чулай* — выйдти; въ словѣ тугу схватить слышится китайскій глаголъ: *ху* — брать въ плѣнъ; относительно *ту* я колеблюсь какимъ китайскимъ корнемъ объяснять это слово; всего ближе тутъ можетъ быть *де* — получать, которое, какъ мы видѣли, въ монгольскомъ и тибетскомъ превращено въ *ду* и *дуръ*, но есть также китайскій глаголъ *тунъ* — держать въ рукахъ бразды; что касается до *цзянъ* и *данъ*, то это тоже не китайскія ли слова: *цзянъ* намѣреваться, употребляемое въ смыслѣ когда (то-есть, когда выйдетъ войско), а *данъ* — должно (непремѣнно ноймаетъ Пугу). Только одно затрудненіе: по китайски фраза должна быть сформирована такъ: *шу ци цзянъ чу лай, пугу данъ де ху*, но можетъ-быть, или хунскій языкъ допускалъ такіа неправильности, или Футучэнъ пожертвовалъ правильнымъ сочетаніемъ для рими, а вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ это былъ звукъ колокольчиковъ, то и нечего было требовать отчетливой фразы; Футучэнъ могъ еще поставить себѣ въ заслугу, что онъ умѣлъ разбирать маленькіа неправильности. Если такъ, то что мы должны сказать о хунскомъ языкѣ, какъ не то, что онъ искаженный китайскій, то-есть: что во времена Хунновъ нынѣшніе средне-азиатскіе языки были еще ближе къ китайскому, чѣмъ нынѣшній маньчжурскій. Кто-нибудь догадается и возразить, что вѣдь мы имѣемъ передъ собою образчикъ языка Хунновъ, существовавшихъ за столько вѣковъ до Р. Х., только отъ IV вѣка нашей эры, когда, какъ извѣстно, Хунны утратили свою самостоятельность, и живя на границахъ Китая, какъ его вассалы, могли дѣйствительно перенять китайскій языкъ, изуродовавъ, разумѣется, его по своему и забывъ свой родной. Но вѣдь это, во первыхъ, ничего не доказываетъ противъ главной нашей мысли, что средне-азиатскіе языки представляютъ искаженіе китайскаго. Могутъ, на основаніи этого примѣра, доказать только, что нынѣшніе средне-азиатскіе языки сложились очень поздно, немногимъ развѣ раньше того времени, когда стали образовываться

изъ латинскаго языка романскіе. Вотъ торныхъ, кто намъ докажетъ, что хунскій языкъ долженъ былъ когда-нибудь представлять особенный идиомъ, а не нарѣчіе китайскаго языка? Откуда же взялся послѣдній? Вѣдь мы уже говорили, что если мы знаемъ, что Жуны и Ди были главными врагами Китайскаго царства, что Сянь-юни вторгались въ него, то это еще не доказываетъ, чтобъ они не принадлежали къ китайскому племени. Можно предположить, что народы, населявшие нынѣшній сѣверный Китай, не хотѣли только покориться тѣмъ политическимъ притязаніямъ, которыя изъяснила одна часть его, заключенная подъ династіей Чжоу, задавшейся задачею поработить себя всѣхъ сосѣдей. Эта династія Чжоу скорѣе всего могла быть сама принята, утратившая языкъ.

Мы уже сказали, что, не зная значенія собственныхъ историческихъ именъ, никакъ нельзя допустить опредѣленія, къ какому языку они принадлежатъ. Только Вейская исторія сохранила намъ переводъ нѣсколькихъ словъ: и нельзя не узнать въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ перваго взгляда, изуродованныхъ китайскихъ или маньчжурскихъ словъ: Фуугудунъ постоянный, мы показали выше, по маньчжурски будетъ аядунъ отъ китайскаго дунъ; Чуло—должно значить—точно,— правда по китайски ши лѣ! (ш—въ ч), по маньчж. яла; Шоулюбучжэнь—милостивый отъ кит. шоулѣ давать, бучжанъ к. буши подаваніе, монг. буань—доброе дѣло. Дэу лофуба дэу дай законодатель, доролюнь дэ...? Таханъ преемникъ, мж—дахамби слѣдовать, гэшэнгай—побѣдоносный кит. шэнь—побѣждать.

Слѣдовательно, присутствіе китайскаго языка въ Средней Азіи продолжалось и въ IV, и въ V столѣтіяхъ. Но мы видимъ его уже болѣе растаятымъ, чѣмъ приведенныя хунскія фразы. Мы замѣчаемъ въ немъ слова маньчжурскаго характера, какъ это и доказывается распространеніемъ племени Ши вэй, и имѣемъ право предположить, что монгольскій языкъ могъ въ то время существовать только далѣе на западѣ.

Если бы мы захотѣли сказать, о какомъ нибудь названіи древне-азіатскихъ народовъ, что оно монгольское, такъ это несомнѣнно о названіи Усунъ. Усунъ (слово родственное съ турецкимъ *су*, кит. *шуй*, тиб. *чу*) значитъ по монгольски вода. Что мудренаго, что монгольскій языкъ пришелъ съ запада! Монголы временъ Чингисхана сохраняли еще воспоминаніе, что они жили нѣкогда на западѣ; мы находимъ упоминаніе объ этомъ и въ китайской исторіи. Предки Татаней были Ша-то'сцы, жившіе въ Цзюнгари; захваченные Тибетцами, они были

переселены въ Инъ-чжоу, на границы Ордоса, въ сосѣдство къ Киданями, и послѣ распространились на сѣверо-востокъ. Надобно припомнить еще, что Монголы, какъ и Тукюесцы, производили себя отъ волка. Монгольское слово чино волкъ существовало, какъ названіе поколѣнія, уже до V вѣка. Мы можемъ это съ вѣрностью доказать изъ исторіи дома Тоба-вэй; потому что въ ней прямо указано, что это поколѣніе послѣ переименовано въ китайскую фамилію *Ланъ* (а іероглифъ Ланъ значитъ волкъ). Что же касается того, что названіе фамиліи *Аиэна*, къ которой принадлежали тукюескіе ханы, произошло отъ чино, то стоитъ только припомнить сказанное нами выше, что въ хоринскомъ нарѣчьи ч переходитъ въ ш, и это ш, какъ мы видѣли выше, еще древнѣе ч. Что Тукюесцы или *Турей*, основатели одного изъ величайшихъ царствъ, сами сначала могли не говорить тѣмъ языкомъ, который мы называемъ турецкимъ,—это также возможно, какъ вѣрно то, что Татары-Монголы говорили не тѣмъ языкомъ, который мы называемъ татарскимъ. Но все это еще не доказываетъ, что если нѣкоторые Монголы, не имѣвшіе ничего общаго со Средне-азиатцами, и пришли съ запада, то не исчезли между туземцами, какъ гораздо позднѣе Армяне, увведенные въ плѣнь и составившіе кэшиктэнскій аймакъ; это не опровергаетъ также того мнѣнія, что уже и въ тѣ отдаленныя времена на такой дальній край, какъ Алтай,—первоначальная родина *Турокъ*, Тукюесцевъ, должно было отразиться вліяніе Китая. Слово *Тукюэ* должно было значить племя; на этомъ основаніи о. Іоакимъ и назвалъ ихъ монгольскимъ названіемъ племени:—*Дума*. Только странно, какимъ образомъ о. Іоакимъ, ратовавшій за монгольскій языкъ, котораго онъ не зналъ, не замѣтилъ, что у него было подъ руками болѣе знакомое ему слово: китайское *Доу куй*—племя! Если Монголы позднѣе вставили между двумя складами буквы *л*; то вѣдь также легко можетъ быть вставлена и *р* (а названіе *Тэкэ*, встрѣчаемое у всѣхъ трехъ народовъ, не имѣетъ и *р*). И не надобно съ такимъ трудомъ отыскивать этихъ *Турокъ* въ монгольскомъ языкѣ; мы имѣемъ ихъ въ *Торгоутъ*ахъ или *Калмыкахъ*, принадлежавшихъ Цзюнтарию, и именно въ ея алтайской части, тѣ есть монгольское окончаніе множ. числа (кит. *ду*), а потому замѣчательно, что самое имя было не *Торго*, а *Торюу*, при чемъ окончаніе *оу* какъ разъ намекаетъ на кит. окончаніе *юэ* въ *Тукюэ*.

Итакъ, Монголы, помнившіе свое происхожденіе отъ *Турокъ* (происходившихъ отъ *Хунновъ*), легко могли во времена Чингисхана по-

ставитьъ девизомъ своимъ: Мань-гу, что по китайски значить: поминуть, носить древность, получить древнее.

На какиѣ ухищреніяхъ не прибѣгали при объясненіи слова Уйгуръ? Рашидъ-единъ и Абулгази стараются объяснить это слово изъ турецкаго языка, хотя изъ ихъ словъ выходитъ, что оно должно обозначать связь, союзъ; только, знающіе турецкій языкъ затрудняются признать въ этомъ имени правильно образованное по турецки слово Уйгуръ. Видать даже названіе Уйгуровъ въ Фасиевомъ И-у, на мѣстности Хами, хотя въ то время не могло быть и помину о какомъ-нибудь союзѣ. Но такимъ образомъ можно легко отыскать Уйгуровъ и въ названіи горъ И-у-люй, отдѣляющихъ Южную Маньчжурію или Ляодунъ отъ Монголіи. Въ новѣйшее время попытались объяснить названіе Уйгуръ чрезъ монг.—ой лѣсъ и тиб. хоръ лѣсными хорами. Но почему въ такомъ случаѣ вмѣсто лѣсъ не ввать было (если бы знали, такъ и взяли бы) тиб. *суи* средина?

Но вѣдь первое китайское названіе Уйгуровъ было Хуй-хэ. Перевѣните только подъ тѣмъ же чтеніемъ іероглифы, и вы получите *хой* собираться и *хэ* — соединяться. И вѣдь мы знаемъ, что Уйгуры составляли союзъ даже, можетъ-быть, не однородныхъ племенъ. Общимъ мѣстомъ ихъ собранія является городъ Хоринъ—сборный (монг. *хурагу* собираться, а кит. воранъ *хой*). Если всмотрѣться пристально въ характеръ средне-азиатской исторіи, то въ ней нельзя не видѣть всецѣло во всѣ времена продолженія борьбы стараго общественнаго строя противъ новыхъ порядковъ, введенныхъ Китайскимъ государствомъ. Обыкновенно Чингисханъ представляется намъ какимъ-то деспотомъ, которому не могло быть ни въ чемъ противорѣчія; взгляните пристальнѣе, и вы увидите, что онъ не такъ полновластенъ: онъ не самъ провозглашаетъ себя хаганомъ, а провозглашаютъ его князья, съ которыми онъ заключаетъ условія.

Въ Китаѣ больше знаютъ Мухури, чѣмъ Чингисхана; провозгласить наследника до Хубилая не смѣлъ никто изъ монгольскихъ вельможъ. Но не то ли же самое мы видимъ у Хунновъ? Мы видимъ, что у нихъ было 24 старшины, князя; Чжуки и Луи являются сюрѣ вассалами, чѣмъ подданными Чаньюй'я.

Я думаю, что союзъ *хой хэ* такъ названъ былъ потому, что въ него вошли народы (лѣсной страны — въ Монголіи, на берегахъ Орхона!) не одного языка, не только монгольскаго или турецкаго, но даже и тибетскаго. Уже въ Усуньскомъ названіи царя Кунъ-мо вмѣсто пресловутаго Kōnig не лучше ли видѣть тиб. *кома*

государь; татарское окончаніе настоящаго времени на равнѣ общае съ тибетскимъ. Не даромъ же одинъ Уйгуровъ тамутъ въ Туркани, другіе въ Монголамъ, а третьи, наконецъ, даже въ Тибетцамъ. Въ приговорахъ исторіи всегда есть свои доли правды.

Чтобы покончить съ монгольскимъ языкомъ, мы еще упомянемъ о нѣкоторыхъ словахъ, сдѣлавшихся извѣстными въ болѣе позднее время и относящихся къ управленію. Таково, напримѣръ, *чжаса* (яса), что должно значить уложеніе, учрежденіе; нынѣ это слово замѣнено въ монгольскомъ, какъ сказали выше, новѣею словомъ *чжатаца*, но сохранилось въ *чжасахъ*—названіе предводителей кошуновъ или улусовъ. Корень этого слова въ монгольскомъ языкѣ есть глаголъ *чжасаху* (преобразившійся въ маньчжурскомъ въ *дасахон*) и значить управлять. Не скрывается ли здѣсь китайскій корень *чжи* управлять, тѣмъ болѣе, что *чжасаху* еще значить лечить болѣзнь, что свойственно китайскому *чжи*? Слово *цзарту* (маньчж. *чжуркань*—судъ) откуда *цзармикъ* указъ, должно производиться отъ кит. *я* (въ словѣ *ямунь*) судъ, подобно тому, какъ монгольское *цзырмикъ* дикій отъ кит. *я*. О вставленіи *р* мы уже говорили при словѣ *тукюе*; что касается до окончанія *турецк.* и монг. *микъ*, то въ немъ и для другихъ словъ нельзя не признать искаженнаго кит. *мэй* сортъ, разрядъ. (Здѣсь даже: *люй-уложеніе*). Равнымъ образомъ монг. *ноямъ* надобно признать за кит. *лао-й*: *я* переходить въ *н*, какъ въ словѣ *ноготать*, маньчж. *нонь-нъ* веленый—кит. *люй*.

Мы уже говорили выше, что слово *чжаминь*, встречаемое и въ нашихъ книгахъ, китайское, и значить держащій печать. Еще болѣе, особливо по знакомству съ кульджинскимъ краемъ, у насъ сдѣлалось извѣстнымъ слово: *цзянь цзюнь* (*чжамъ-чжунъ*); это тоже чисто китайское слово и собственно значить: главнокомандующій, предводитель войскъ, но еще можетъ быть приравнено въ Кульджѣ и Маньчжуріи къ нашему званію намѣстника, а въ другихъ мѣстахъ, какъ званіе командира чисто маньчжурскаго гарнизона къ нашему званію коменданта, или корпуснаго генерала. Но въ отношеніи среднеазіатовъ, когда въ Китаѣ было туземное правительство, оно не скупилось на чины; и нынѣ мы видимъ между Монголами чиновниковъ разныхъ степеней, однакожь они готовы преклонить колѣни предъ трибунальскимъ писаремъ; очень могло статься также, что когда Средне-азіаты освободились отъ китайскаго владычества, то были сами охранителями, для будущности, его вліянія, возводя себя сами въ китайскіе чины: съ этими чинами они желали, можетъ быть, явиться и въ глазахъ по-

корневыхъ часть ихъ Русскихъ. У нашихъ Бурятъ мы встречаемъ званія: Тайши, Цайсанъ, Шулэнговъ и проч. Все это званія китайскія, даваемые самымъ высшимъ особамъ. Тайши значитъ великій учитель; съ самыхъ древнихъ временъ это названіе даётся, и то только вѣрѣдѣ, первому государственному министру. Цайсанъ (у Калмыковъ зайсанъ) ближе всего значитъ великій визирь, Шоу линъ, глава старѣйшинъ — можетъ прилагаться даже къ владѣтельнымъ иностраннымъ особамъ, не внесеннымъ въ списокъ чиновниковъ, слѣдовательно, не получившимъ китайскаго чина, хотя бы и княжескаго званія. Знаменитое названіе предшественника, сюзерена, а послѣ врага Чингисхана — Ванъ-ханъ — значило: ванъ, то-есть царь, (князь) и Ханъ. Мы совершенно увѣрены, что извѣстное слово: ку (ху)-ргэнь происходитъ отъ китайскаго Хюй-вэнь, точно также какъ въ синонимическомъ съ нимъ Фу-ма и Табунань (ма и нанъ одно и то же); скрывается значеніе мужчины (*мань*), мужа жены (фу, сифу, табу). Извѣстно, что всѣ потомки княжескихъ родовъ въ Монголіи, даже пришедшіе въ крайнее положеніе, исправляющіе служительскія должности, называются Тайчжіями; это слово не что другое, какъ китайское тайцзы—сынъ императора, объявленный наслѣдникомъ престола.

Извѣстное слово тарханъ не есть ли искаженіе китайскихъ словъ: тэ лэнъ—желѣзная грамота, которая давалась императорами въ обязательство, что получившему будутъ прощены девять винъ; потому эти грамоты давались, конечно, и ради другихъ вольностей, напримѣръ, для освобожденія отъ повинностей. Гораздо ранѣе нашей Тмутаракани, вѣроятно, принадлежавшей какому-нибудь Тэму Тархану уже, по дорогѣ къ Астрахани (то-есть, городу Хаджи Тархана), упоминается въ исторіи городъ Абу-Тарханъ восточнѣе послѣдней. Такимъ образомъ, это движеніе слова Тарханъ съ востока на западъ не подвержено сомнѣнію; оно вѣсть съ тѣмъ опровергаетъ и предположенія о еврейскомъ происхожденіи слова каганъ. Слово Тамга не есть ли память о Танской династіи (съ 620 года), которая раздавала всѣмъ вассальнымъ владѣтелямъ Азіи печати, чтобы знать, когда они явятся, или приплывутъ отъ себя кого-либо, съ кѣмъ слѣдуетъ имѣть дѣло; замѣтимъ еще что въ китайскомъ языкѣ есть глаголъ *танъ*—прижигать. Не пускаемся здѣсь въ болѣе подробныя толкованія обычаевъ на основаніи исторіи; это завело бы насъ очень далеко; въ настоящей статьѣ намъ нужно было только указать на присутствіе китайскихъ корней во всѣхъ этихъ социально-политическихъ терминахъ.

Такъ какъ пришлось говорить о двухъ языкахъ, то постараюсь ска-

заятъ, то, что знаю, или лучше, думаю, и о турецкомъ (тоже, на память).

Турецкій языкъ представляетъ съ китайскимъ языкомъ, такія тѣснѣя, отношенія, какіе мы не видимъ ни въ монгольскомъ, ни даже въ маньчжурскомъ, сношенія, принадлежащія къ самой глубокой древности. Для прѣмѣра можетъ служить вотъ слѣдующее обстоятельство: въ настоящее время глазь по китайски, му (сродно съ тиб. мигъ), но въ фуцзяньскомъ нарѣчій произносится *бакъ*; что, это не случайность, то и дерево *му*—въ фуцзяньскомъ также произносится *бакъ*. Отъ этого-то *бакъ* можно производить турецкое *бакъ-макъ* глядѣть, а вотъ *бакъ* дерево слово *бакча*! Какъ бы то ни было, турецкія слова: *бакъ*—князь, *тукъ*—знамя, *диванъ* и *чуанъ*, *юкъ* нѣтъ и проч., своими окончаніями на согласную указываютъ, что было когда-то время, когда эти окончанія существовали и въ китайскомъ языкѣ; превращеніе *ци* въ *ми*—дѣло, производство *башъ*, головъ отъ *шоу* якии отъ *я* (тиб. *якъ*) и тому подобныя случаи свидѣлствуютъ о давней разлуцѣ двухъ народовъ, жившихъ когда-то смежно. Отыскавъ на удачу одну изъ страницъ недавно вышедшаго турецкаго словаря Г. Будагова, и на ней въ турецкихъ словахъ нахожу по порядку цѣлый рядъ китайскихъ корней: *тао* хитрость, кит. *тао* сътъ и хитрость; *туй* пухъ, волосъ кит. *туй*; *той*, пиръ кит. *дуй* толпа; *туйбу* притворный, кит. отступать, скрывать шаги. Г. Хвольсонъ открылъ въ крымскихъ памятникахъ слово Бакши, учитель. Если производить его отъ слова *бамакъ*—смотреть, то мы указали, что корень этого глагола существуетъ и въ Китаѣ; слѣдовательно, турецкій языкъ, синтаксически связанный съ монгольскимъ и маньчжурскимъ, долженъ былъ двигаться съ востока на западъ. Едва ли слово Бакши такъ рано, какъ доказываетъ намъ знаменитый ученый, могло дойти до Крыма. Но Бакши встрѣчается безъ измѣненія и въ монгольскомъ языкѣ, а въ маньчжурскомъ есть слово *факши*—*фоксуникъ*, мастеръ. Монгольскій (да и турецкій также) не имѣютъ *ф*; они естественно должны были измѣнить его на *б*. Корень *фа-кии* скрывается въ китайскомъ *фа*, что значитъ и законъ, и хитрость, и чародѣйство; знаменитымъ буддійскимъ личностямъ часто дается титулъ *фа-ши* (учитель закона). Такъ какъ я твердо увѣренъ, что названіе Шаманъ происходитъ отъ Шраманъ, произносимаго по китайски, шаманъ, то что удивительнаго, что и названіе *фа ши*, въ формѣ *факши*, въ Маньчуріи приняло значеніе *фоксуника*? Но если настаивать на древности слова *бакши*, на появленіе его прежде распространенія

въ Китаѣ буддизма; то и тогда это можно объяснить соединеніемъ двухъ китайскихъ словъ, съ давняго времени означавшихъ учитель и руководитель, *бао* и *шан*.

Скажемъ не съ увѣренностью, но въ видѣ предположенія то, что мы думаемъ на счетъ турецкаго языка (этотъ предметъ требуетъ глубинныхъ изысканій): Турецкій языкъ составитъ западную отрасль одного общаго средне-азиатскаго языка; если нельзя не узнати въ немъ корней китайскаго, то точно также замѣчается въ немъ и влияніе или примѣсь тибетскаго. Но родина этой отрасли должна быть ближе въ востоку, чѣмъ нынѣшній китайскій Туркестанъ. Тамъ мы находимъ еще въ историческія времена всѣ признаки неарійскаго племени и по языку и по обиху. Если мы теперь видимъ преобладаніе китайско-монгольскаго типа и китайско-турецкаго нарѣчія, то значитъ такое преобладаніе возможно. Нѣтъ необходимости видѣть въ такъ называемыхъ турецкихъ народахъ аборигеновъ Туркестана, Цзюнггаріи и даже Киргизскихъ степей. О постепенномъ и сильномъ распространеніи Китайцевъ въ Туркестанѣ мы находимъ ясное свидѣтельство въ исторіи; но подъ именемъ Китайцевъ нельзя разумѣть непременно говорившихъ чисто китайскимъ нарѣчіемъ. Въ Монголіи существовали Китайцы еще задолго до Хунновъ, а въ Маньчжуріи они появились всего ранѣе.

Спрашивается, какія слова въ китайской исторіи напоминаютъ намъ турецкія? Намъ извѣстенъ домъ Тоба, царствовавшій въ сѣверномъ Китаѣ въ V и VI столѣтіяхъ, владѣвшій въ то же время всей Средней Азіи. Вотъ этотъ то домъ мы и считаемъ расадникомъ турецкихъ народовъ. Никто еще не занялся хорошенько разработкой очень подробно изложенной на китайскомъ языкѣ исторіи этого дома; онъ-то и сосредоточилъ всѣ прежде него кочевавшія подъ стѣнами Китая варварскія племена соотечественниковъ Шивэ, Мужуновъ, и съ того времени въ китайскій Туркестанъ постоянно подвигаются новыя обитатели. Географическія названія перемѣняютъ аріискій типъ на турецкій. Слово *тоба* должно значить по китайскимъ источникамъ: земля—можно видѣть, слѣдовательно, въ немъ составъ двухъ словъ: кит. *ту* и маньчж. *ба* — то и другое значить земля. Правда, такое сліяніе вовсе не удивительно; намъ рассказывали, что и теперь въ сѣверо-западной части Китая обитаетъ народъ *Долоты*, которыхъ языкъ состоитъ изъ смѣшенія трехъ сосѣднихъ языковъ; такъ, на ихъ нарѣчіи лошадь называется *рда-мори-ма*, то-есть, *рда*—тибетское, *мори*—монгольское, *ма* — китайское названіе лошади. Но дѣло въ томъ, что

земли по турецки называется *шанки*. Я познакомился въ Пекинѣ съ однимъ магометаниномъ, дѣдъ котораго былъ переселенъ изъ Туркестана, по его завоеванію; онъ зналъ еще языкъ своихъ предковъ, но уже произносилъ по китайски, то-есть, такъ, какъ Китайцы выговариваютъ иностранныя слова. Я съ изумленіемъ узналъ отъ него, что земля по туркестански называется Тоба. Турецкое названіе шанки: бунукъ, онъ произносилъ мужунъ, и мнѣ сейчасъ вспомнилось, что извѣстные Саньбийцы Мужуны, овладѣвшіе было сѣверными Китаемъ, вырванными у нихъ домою Тоба, прозваны были такъ потому, что носили особый родъ шанки, называемый по китайски бу-ю. Но, съ другой стороны мы имѣемъ столько свидѣтельствъ, что Мужуны и Тоба принадлежали болѣе къ маньчжурскому племени! Можно сомнѣваться въ томъ даже, что въ это историческое время всѣ сказанныя земли выделялись такъ рѣзко, какъ они представляются намъ нынѣ.

В. Васильевъ.